Авенариус, В.П.
Молодость и
творчество в.и.
Эдисона
1923 г.

В. П. АВЕНАРИУС

МОЛОДОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО ВЕЛИКОГО ИЗОБРЕТАТЕЛЯ ЭДИСОНА

БИОГРАФИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Г 3.1.
19м.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА... 1923... ПЕТРОГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Алтаев, А. Впереди веков. 182 стр. 1921 г.
Его же. — Звезда Италии. Рассказ из жизни Рафаэля. 104 стр. 1920 г.
Его же. — Любовь великая. Сборник рассказов и сказок. 176 стр. 1920 г.
Его же. — От цепей к славе. Картины из жизни артиста М. С. Щепкина. 144 стр. 1920 г.
Его же. — Под знаменем «Башмака». Крестьянская война в Германии. Историческ. повесть из XVI века. С рис. К. Фридберга. 224 стр. 1920 г.
Его же. — Сказки жизни. Сборник рассказов и сказок. 192 стр. 1920 г.
Алтаев, А. и Феличе, А. — Атаман Степан Разин. 40 стр. 1920 г.
Их же. — В огне восстания. 32 стр. 1920 г.
Богданов, М. Н. — Из жизни русской природы. Зоологические очерки и рассказы. 176 стр. 1923 г.
Бонзельс, В. — Приключения пчелки Майи. Роман для детей. Перев. М. А. Вайсбейн под ред. А. Н. Горлина. 149 стр. 1923 г.
Дмитриева, В. И. — Малыш и жучка. 23 стр. 1923 г.
Дерский, В. — Улыбки солнца. Сказки. 49 стр. 1923 г.
Чуковский, В. А. — Спящая царевна. Сказка. 16 стр. 1923 г.
Баринцев, Н. — Как построили первую железную дорогу. Рассказ из жизни изобретателя паровоза Д. Стефенсона. 82 стр. 1923 г.
Киплинг, Р. — Вот так сказки. Перев. с английского К. Чуковского. 35 стр. 1923 г.
Малыши. — Сборник рассказов и стихотворений. Под ред. А. Насимовича. Книжка первая. 74 стр. 1923 г.
Малыши. — Сборник рассказов и стихотворений. Под ред. А. Насимовича. Книжка вторая. 110 стр. 1923 г.
Малыши. — Сборник рассказов и стихотворений. Под ред. А. Насимовича. Книжка третья. 91 стр. 1923 г.
Мамин-Сибиряк. — Рассказы для детей. Сборник первый. 247 стр. 1923 г.
Нанасеин, Н. И. — Своей тропинкой. Рассказы для детей. 216 стр.
Мексин, Я. П. — Зайка. Сборник рассказов для детей младшего возраста с рис. Ефимова. 39 стр. 1923 г.
Его же. — Никита Кожемяка. Сказка. 8 стр. 1923 г.
Новорусский, М. Н. — Приключение мальчика меньше пальчика. Из жизни насекомых. С рис. в тексте. 67 стр. 1920 г.
Пушкин, А. С. — Сказка о царе Салтане, о сыне его, славном и могучем богатыре князе Гвидоне, и о прекрасной царевне Лебеди. 20 стр. 1922 г.

Эдисон.

В. П. АВЕНАРИУС

МОЛОДОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО ВЕЛИКОГО ИЗОБРЕТАТЕЛЯ ЭДИСОНА

БИОГРАФИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Проверено 1935
КИП
Ж.З.Л.
А.19.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1923 . . . ПЕТРОГРАД

ФУНДАМЕНТ. БИБЛИОТЕКА
Дет. [illegible]
Ленингр. Пединститута

Государственное
Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ
ДВОР
Петроград

18200
662309 кх-редк.
Российская государственная
детская библиотека
КОНТРОЛЬНЫЙ

Гиз. № 6138. VIII—15-V—1923. 7.000 экз Петрооблит. № 5892.

I.

В Северо-Американских Штатах, в маленьком городке Милане, 11 февраля 1847 года, явился на свет Томас-Альва Эдисон, которому суждено было сделать тысячи общественных изобретений, облегчающих жизнь цивилизованных наций.

Двенадцать лет спустя его можно было видеть в определенные часы дня в народной библиотеке г. Порт-Гурона, в штате Мичигане, настолько углубленным в чтение книги, что ничего, казалось, вокруг себя он не видел и не слышал. За ближайшим столом точно так же изо дня в день просиживал целыми часами почтенного вида старичок, очевидно, какой-нибудь ученый, делавший выписки из груды лежавших перед ним фолиантов. Бедно-одетый подросток, посещавший библиотеку не менее его аккуратно, обратил, наконец, внимание старичка, и он, подойдя к нему, тронул его за плечо. Томас-Альва или Аль (как называли его родители) поднял голову и, увидав, кто перед ним, вскочил со стула.

— Сиди, сиди,—сказал старичок, подсаживаясь сам к мальчику.—Ты что это читаешь? Верно про похождения какого-нибудь бездельника, искателя приключений? «Не единым хлебом сыт человек», говорится в Писании; но и духу нашему питаться одним только духовным лаком-

ством—досужими вымыслами—в твоем возрасте не безвредно.

— Нет, сэр,—отвечал Аль,—это не вымысел, а правда, то, что в самом деле было.

— Вот как! Что же именно?

— «История Англии» Юма.

— О! Но сам-то ты ведь американец, и что может интересовать тебя в истории нашей старой метрополии, от которой мы, слава богу, больше полувека уже назад отпали?

— Да ведь предки мои, как верно и ваши, были же англичанами.

— Так-то так... А из твоих предков кто переселился сюда, за океан? Отец твой или дед?

— Нет, прадед, банкир Джон Эдисон. Контора его была в Нью-Йорке, но в душе он, говорят, оставался еще тем же англичанином, и когда началась война за освобождение от Англии, он был на стороне англичан.

— Гм... И за это вероятно пострадал?

— Как не пострадать! К его счастью Канада осталась за Англией; он переселился туда со всей семьей и, как другие, получил там большой участок земли: 600 морганов на себя, по 400 на каждого сына, да еще 200 на внука.

— Но сам-то ты родился уже здесь, у нас, в Соединенных Штатах?

— Я-то—да; но двадцать лет назад, когда меня еще не было на свете, отец мой, Самуэль Эдисон, был уже женат и должен был бежать из Канады, потому что был замешан в восстании канадцев.

— И чем же он потом жил и где?

— Он торговал хлебом и лесом, а жил то здесь, то там, пока не попал в г. Милан, где завел уже крупную торговлю. Наши хлебные амбары были огромные и на самом берегу канала, который соединяет северные озера с Миссисипи. Ребенком я всегда играл около этих амбаров, и мимо меня целый день проходили по каналу вверх и вниз пароходы и барки, потому что весь каменный уголь и вся руда из Огио и западной Виргинии перевозилась этим каналом. Но тут, на беду нашу, берегом озера Эри провели железную дорогу...

— И грузы перешли на нее, канал пришел в упадок? Да, да! Это общее явление: одно предприятие подрывает другое. И что же, дела твоего отца пошли хуже?

— Да, амбары наши стали пустовать, закрывались один за другим...

— Старая и вечно новая история с торговыми делами! Он разорился?

— Разорился в конец... Из людей богатых мы стали чуть не нищими...

Мальчик украдкой отер навернувшуюся у него слезу, но, тотчас оправясь, продолжал:

— Мне было тогда семь лет, и меня отдали только-что в школу. Но ходил я туда всего два месяца, так как отец после своего банкротства не мог уже оставаться в городе. Мы кочевали с места на место, пока не устроились здесь, в Порт-Гуроне.

— Так здесь, значит, отцу твоему опять посчастливилось?

— Не то, чтобы очень, но кое-как он все же перебивается. Платить за меня в школу он по-прежнему не может

— Однако, кто-нибудь же тебя учит, если ты охотно читаешь такие серьезные книги?

— О, это все моя мама, моя дорогая мама! Она была ведь учительницей, пока не вышла замуж. Она учит меня всему, что сама знает, и указывает мне, что читать. Так, я прочитал еще «Падение Западной Римской империи» Гиббона, «Историю реформации» Бертона, «Математические основы естественной философии» Ньютона...

— Ого!—сказал старичок с усмешкой.—Ты так силен уже в математике, чтобы понимать даже великого Ньютона?

— Признаться,—отвечал Аль, покраснев,—некоторые его формулы мне не понятны...

— И сама мама твоя не может тебе объяснить их?

Мальчик еще более смутился за свою обожаемую маму.

— Она, сэр, очень образована, но высшей математики не проходила...

— Вот видишь ли. В твоем возрасте браться за Ньютона во всяком случае рано. Который год тебе?

— Тринадцатый.

— Но мальчик ты, я вижу, все-таки смышленый. Отец твой выбивается из сил, чтобы прокормиться с женой и сыном. А ты вот, вместо того, чтобы облегчить ему жизнь, сидишь преспокойно тут, в библиотеке, и набиваешь себе голову знаниями, которых твой незрелый мозг переварить еще не может и которые впоследствии тебе едва ли даже пригодятся. Пора бы и тебе самому зарабатывать себе собственный кусок хлеба.

— Да я бы рад...—пробормотал пристыженный мальчик.—Но каким образом?

— Отец твой—коммерсант; иди по стопам отца...

— Да ведь он имеет деловые сношения с другими, такими же коммерсантами; а мне пришлось бы только стоять за прилавком или ходить по улицам с коробом и предлагать свой товар прохожим? Нет, этого я не могу, да и мама моя не захочет! Ничего для ума...

— Вишь ты, какой умник!—усмехнулся опять старичок.—Если хочешь уж непременно что-нибудь для ума, так продавай газеты. Из газет и сам всяких сведений наберешься, будешь всегда знать, что на белом свете творится.

Аль задумался: мысль, повидимому, ему понравилась.

— Ну что?—спросил старичок.

— Очень благодарен вам, сэр, за добрый совет. Сегодня же переговорю с моей мамой.

II.

У Нанси Эдисон, которая души не чаяла в своем единственном сыне, никогда не огорчавшем ее непослушанием и с редкою любознательностью зачитывавшемся самыми серьезными книгами, недоступными его однолеткам, не раз уже был разговор с мужем о том, какая будущность ожидает их Аля.

— Зачастую он задает мне такие вопросы,—говорила она,—что ставит меня втупик, а потом сам же первый находит на них ответ, точно по вдохновению свыше. Это—искра божия, проблески будущего гения.

— Ишь, матушка, куда хватила!—отзывался на это муж.—Для матери и младенец в колыбели—будущий гений. Но Аль наш, несомненно, малый с башкой, и будь

у меня достаточные средства, я отдал бы его в какое-нибудь специальное заведение, чтобы из него вышел дельный практик и, в случае моей смерти,—опора тебе в старости. Для коммерческой части он едва ли годится: чересчур мечтателен, а подготовить его у меня самого нет времени, из него вышел бы неудачник. Так пускай же он идет по книжной части: выйдет из него хоть и не профессор, то народный учитель...

Когда Аль, вернувшись из библиотеки, передал матери свою беседу со старичком-ученым, она глубоко вздохнула и заметила:

— Я надеялась увидеть тебя на университетской кафедре, научным светилом, признанным всем ученым миром. Но папа твой с своей точки зрения тоже прав. До профессуры путь далекий, а в жизни своей никто из нас не властен. Умри он раньше, ты остановился бы на полпути, и из тебя не вышло бы ни ученого, ни практика. При твоих способностях ты станешь гораздо скорее самостоятельным, если теперь же заглянешь в жизнь, как она есть, и собственными силами пробьешь себе в ней дорогу.

— Ну, что же,—сказал Аль,—стало быть, вы оба—и ты и папа—находите, что мне всего лучше стать практиком? Чего же мне еще долго раздумывать? Сделаюсь сперва газетчиком, а что дальше,—нечего вперед загадывать.

Г-жа Эдисон обняла и расцеловала сына.

— Ах ты, милый мой! В одном ты пошел в отца: никогда не падаешь духом.

— Да что пользы, дорогая мама, ныть и плакать о том, чего все равно не достигнуть? Взявшись раз за

практическое дело, я добьюсь в нем всего, что в моих силах.

Мать озабоченным взглядом окинула сильно поношенное летнее пальто мальчика.

— У тебя нет ведь теплого верхнего платья,—заметила она,—а газетчиком тебе придется целыми часами мокнуть и мерзнуть под дождем и снегом. Того и гляди, будешь простужаться, серьезно, пожалуй, захвораешь...

— Да, это было бы некстати, — согласился сын.— Вот кабы получить мне место газетчика на станции железной дороги...

— А ведь и в самом деле!—подхватила мать.—Там ты был бы всегда под крышей, а в морозы мог бы отогреваться в пассажирских комнатах или в буфете. Но на вакансии такого газетчика там, верно, есть уже свои кандидаты...

— А жену начальника станции ты, мама, ведь не знаешь?

— Я-то нет, но мистрисс Броун с нею хорошо знакома. Сегодня же зайду к ней.

— И я, мама, с тобой!

— Тебе-то, милый мой, зачем?

— А мне, при вашем разговоре, придет еще, может быть, что-нибудь в голову.

— Еще бы! У тебя в голове всегда роятся мысли,— улыбнулась мать.—Тогда мне можно за тебя и не думать.

— Так идем же, мама; одевайся.

— Что ты, голубчик! Скоро должен вернуться папа, а ужин у меня еще не приготовлен.

— Поспеешь, мама! Еще пропустим случай; мистрисс Броун потом, пожалуй, уйдет в гости, а ужин от нас не убежит. Ну, прошу тебя, мама, пожалуйста!

— Вот загорелось вдруг!—рассмеялась она, потому что сын повис у ней на шее и крепко ее чмокнул.—Хорошо, хорошо, идем.

Мистрисс Броун они застали дома.

— А я ведь только-что собиралась из дому,—сказала она:—мне надо на станцию.

— Вот видишь, мама,—вскричал Аль,—что я тебе говорил? Возьмите нас тоже с собой.

Когда ей тут объяснили, в чем дело, мистрисс Броун сразу согласилась, и Эдисоны, мать и сын, отправились на железнодорожную станцию вместе с нею.

Жена начальника станции, выслушав г-жу Эдисон, покачала головой.

— Простите, но наперед вам обещать я ничего не смею: это—дело мужа. Сколько мне, впрочем, известно, тот старик-газетчик, что лет десять уже продает газеты на нашей станции, только этим и существует и едва ли не запротестует против такой конкурренции.

— Так вот что,—неожиданно вмешался тут в разговор Аль:—отбивать верный кусок хлеба у старика я вовсе не желал бы. Но еслиб мне позволили разъезжать взад и вперед между Порт-Гуроном и Детроа, то я продавал бы газеты пассажирам в вагонах...

— Какой он у вас шустрый!—заметила с улыбкой жена начальника станции и с видимым удовольствием оглядела выразительное для его возраста лицо мальчика.—

Мне очень хотелось бы помочь вам... Извольте, я переговорю с мужем.

— А когда позволите мне зайти за ответом?—спросил Аль.

— Когда?.. Да хоть завтра в это же время.

— Но в это время он и завтра будет занят; а мне хотелось бы видеть его самого.

— Вишь ты, какой! Ну, зайди как нибудь пораньше...

— А сегодня еще нельзя?

— Где уж сегодня: скоро у нас ужин...

— Но, покушав, он, верно, добрее?

Она засмеялась и погладила его по щеке.

— Добрее-то добрее. Ну, что ж, так и быть, зайди через часок. К тому времени, поужинав, муж и дух переведет.

— А ты, мама, можешь тогда уже остаться дома,— сказал Аль:—я живо сюда опять сбегаю.

И еще за несколько минут до назначенного времени он был снова на станции. Жена, как видно, успела уже расположить начальника станции в его пользу, потому что тот благосклонно выслушал мальчика, сделал ему несколько вопросов о том, чем он занимался раньше, и в заключение объявил, что, в виде опыта, не прочь допустить Аля в течение двух недель ездить бесплатно в местных поездах, между Порт-Гуроном и Детроа, если к тому не встретится препятствий со стороны тамошнего начальника станции.

— Мы с ним старые приятели,—добавил он,—и я надеюсь, что все для тебя устроится. От тебя самого будет уже зависеть поставить себя у нас так, чтобы на тебя не

было нареканий ни со стороны публики, ни со стороны наших служащих. Газет у нас в Порт-Гуроне ни одной не издается; так тебе придется ездить за ними в Детроа с ранним поездом...

— А когда, позвольте узнать, отходит отсюда самый ранний?

— Самый ранний в 4 часа утра, не наш, а дальний, притом товарный...

— Мне бы примоститься хоть на паровозе у машиниста.

— Да на что тебе в такую рань? Мне надо сперва ведь еще снестись относительно тебя с моим приятелем.

— А вы дайте мне к нему записочку. От него я сейчас и за газетами.

— Ай-да молодец! Совсем по-американски. С машинистом я, пожалуй, тоже переговорю. Но к 4-му часу утра ты не проспишь?

— О, нет! Не знаю вот только, какие газеты издаются в Детроа...

— Хорош газетчик! Детроа хоть и главный город нашего штата Мичигана, но выходит там пока всего одна газета—«Свободная Печать».

— Газет до сих пор я совсем не читал,—признался в свое оправдание будущий газетчик,—а теперь для меня не будет ничего важнее. А что, сэр, нет ли у вас номерка «Свободной Печати»?

— Есть,—отвечал начальник станции и достал из кармана смятый номер газеты.—А тебе для чего?

— Да чтобы узнать, что там пишут и где ее брать.

— Из тебя, я вижу, выйдет толк. Можешь оставить этот номер себе.

— Покорно благодарю! Я сохраню его на память. Я так уж благодарен вам, сэр...

— Ладно. Беги же домой и выспись.

Прибежал Аль домой впопыхах.

— Ну, мама, давай мне побольше денег.

— Это для чего?

— Завтра, в 4-м часу утра, я улетаю в Детроа за газетами.

III.

К назначенному времени, еще до прихода проходившего мимо Порт-Гурона товарного поезда, Аль был уже на станции.

— А! пришел-таки, не заспался?—встретил его на платформе начальник станции.—Вот про этого самого юнца я и говорил вам,—обратился он к своему помощнику.—Ему разрешается проходить по вагонам местных поездов до Детроа без билета и продавать газеты пассажирам. Я сговорился только что об этом по телеграфу с тамошним начальником станции.

— Так к самому начальнику в Детроа вы, сэр, мне никакой записки уж не дадите?—спросил Аль.

— Пожалуй, могу дать и записку.

Пройдя к себе в контору, он вынес оттуда мальчику бумажку с парой строк.

— Вот это и передашь ему; остальное он уже знает. А вот и поезд! Стань вот тут у входа, чтобы мне сейчас найти тебя: надо передать и тебя самого с рук на руки машинисту.

Громыхая, подошел ожидаемый товарный поезд. Солнце еще не всходило (дело было позднею осенью),

и стоявший на платформе Аль в своем легоньком летнем пальтишке порядком-таки уже продрог, когда начальник станции опять о нем вспомнил.

— Ну, вот, поезд сейчас тронется. Идем же к машинисту.

Машинист, пожилой и угрюмый, видимо, довольно неохотно выслушал приказание начальника станции довезти мальчика у себя на паровозе до Детроа и проворчал себе что-то под нос. Как только, однако, начальник удалился, и Аль вскочил было на подножку паровоза, машинист взял его за шиворот и толкнул в сторону кочегара, который возился около топки:

— Получи его, Гарри! У меня тут ему не место.

— А мне он на что?—огрызнулся тот, молодой еще, но неотесанный парень. Пользуясь случаем над кем-нибудь выказать свое превосходство, он прикрикнул еще грубее на непрошенного спутника:—Откуда тебя нелегкая принесла? Полезай на тендер!

— А может, я вам здесь все же пригожусь?—заметил, не повышая голоса, Аль.

— Ты мне? На кой чорт ты мне можешь пригодиться?

— Да я с вечера немножко хоть поспал; а вы верно глаз не сомкнули?

— Заснешь тут, когда то-и-дело подбрасывай угля в топку!

— Ну, теперь вот и приляжете, а подбрасывать, вместо вас, буду я.

Молодой кочегар, никогда еще, конечно, не встречавший с чьей-либо стороны такой услужливости, глаза даже вытаращил.

— Га! Где уж тебе, воробышку? Говорят тебе: отойди!

Отворив дверку в пылающую пасть паровоза, он привычной рукой подкинул туда полную лопату каменного угля.

В это время обер-кондуктор дал сигнальный свисток. Машинист открыл клапан паровоза, и паровоз ответил еще более резким свистом; а когда машинист надавил тут рычаг паровоза, паровоз, шипя, выпустил из своего огненного чрева целое облако пара и, пыхтя, двинулся с места, таща за собою вереницу нагруженных вагонов.

— Ну, покажи-ка теперь свою ловкость,—с усмешкой предложил кочегар Алю.

«Воробышек» с первого же раза, оказалось, пригляделься к ухваткам его, «старого воробья», и почти так же удачно произвел несложную операцию насыщения жадного паровоза.

— Это еще что за дурачества, Гарри?—гаркнул тут от своего колеса машинист.

Гарри объяснил, что так, мол, и так, малец этот сам вызвался топить за него, чтобы ему, Гарри, можно было на часок прилечь и вздремнуть.

— Ну, что же, ложись,—снизошел машинист.—До следующей станции, так и быть, я сам уж присмотрю за ним.

Кочегар не дал ему повторить свое разрешение, перебрался на тендер, свернулся там под рогожей калачиком и минуту спустя уж не задремал, а захрапел в унисон с паровозом. Аль же, отогревшись уже около топки, достал из-за пазухи газету, полученную от начальника станции, и, прикурнув тут же, при сумеречном свете просыпающегося утра принялся за чтение статьи за ста-

тьей. Машинист не раз оглядывался недоверчиво на читающего; наконец, нашел нужным напомнить ему о принятой им на себя обязанности:

— Эй ты, газетчик! Топить, небось, и забыл?

— Виноват!—спохватился будущий газетчик и поспешил подбавить опять угля в топку.—В газете тут есть не мало такого, что и вас, я думаю, поинтересует.

— Почем ты знаешь, что меня интересует?—отозвался ворчун; однако, сам все же сделал два шага к мальчику, чтобы лучше его расслышать.—Ну-ка, прочитай мне что-нибудь: что там такое?

В газете оказались, между прочим, две подходящие заметки: в одной сообщалось о столкновении двух поездов на какой-то побочной линии в Германии; в другой—об усовершенствовании в тормозах железнодорожных вагонов. К катастрофе у европейских немцев машинист отнесся совсем равнодушно:

— А ну их! Какое нам, американцам, дело до того, что делается по ту сторону океана? Не научились еще, как следует, править паровозом!

По поводу же второго сообщения он одобрительно кивнул головой:

— Тормозы у нас, правду сказать, могли бы быть исправней. Тормоз какого-нибудь вагона испорчен, а вину в крушении валят на машиниста! А то, случается тоже, ошибка в сигнализации...

— Вот погодите,—прервал его Аль.—Как выросту, так смастерю вам такие тормозы, устрою такую сигнализацию, что и вы и весь свет ахнет, в ножки мне поклонится.

662309
Российская государственная детская библиотека

— Скажите, пожалуйста! Заврался мальчишка! Где уж тебе, неучу, за такое дело браться?

— Не такой уж я неуч, как вы думаете: сколько умных книг в библиотеке перечитал. До сих пор, правда, больше по истории да по философии; но теперь, как пойду по практической части, так займусь физикой, химией...

— Физикой! химией! Ха-ха-ха! Да знаешь ли ты, братец, что такое физика, что химия?

— Знаю: я заглядывал и в такие книги.

— Ай да ученый муж, профессор! Ну, а теперь, господин профессор, суньте-ка опять вашу газету в карман и займитесь топкой; не то, чего доброго, и до ближайшей станции не доплетемся.

До ближайшей станции, однако, добрались они благополучно, а здесь молодой кочегар занял опять свое место у топки, уголок же свой на тендере уступил Алю, который и проспал там под той же рогожей до самого прибытия поезда в Детроа.

IV.

Начальник станции в Детроа несколько минут отдавал приказания своему служебному персоналу, пока удосужился обратить внимание на подошедшего к нему мальчика.

— Ты ко мне, что ли?

— Точно так, сэр,—отвечал Аль и подал ему записку его порт-гуронского приятеля.

Прочитав ее, начальник станции кивнул головой.

— Первый местный пассажирский поезд отсюда уже ушел,—сказал он.—Следующий уйдет только через два

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ДОМА ... ГИ
... БИБЛИОТЕКА ... ОТДЕЛЕНИЕ

часа. Если поторопишься, то поспеешь еще побывать и в конторе «Свободной Печати».

Чтобы не запоздать, Аль пустился туда во весь дух. И хорошо сделал: в конторе газеты он должен был сперва дожидаться очереди, а когда затем вздумал справиться, какая газетчикам делается скидка, то на него прикрикнули:

— Пошел, пошел! Не задерживай публики.

— Да надо же мне знать: я—газетчик.

— Так ступай в типографию: там тебе и скажут.

— И там же получу газету?

— Там, там.

— А где ваша типография?

На последний вопрос ответа уже не последовало: его оттеснили следующие посетители. Выйдя на улицу, он прочел над воротами того же дома надпись: «Типография газеты «*Свободная Печать*». Пройдя во двор, он добрался во втором этаже и до типографии газеты. Здесь, в ее конторе, его сначала заставили также ждать; потом уже, благодаря своей вежливости и настойчивости, он добился скидки и, захватив на первый раз полсотню номеров газеты, помчался бегом же обратно на станцию. Поспел он ровно к третьему звонку, но с разбега налетел на обер-кондуктора, который только что поднес свой свисток к губам, чтобы дать сигнал к отходу поезда.

— Простите!—извинился Аль и стал подбирать с платформы пачку газет, выскользнувшую у него при столкновении из-подмышки.

Обер-кондуктор посулил ему чорта и хотел уже сдать его дежурному жандарму, но, взглянув в разгоряченное лицо мальчика, сообразил, что это тот самый новичок-

газетчик, о котором перед тем говорил ему начальник станции, и указал на ближайшую вагонную площадку:

— Прыгай!

После чего, дав свисток и выждав сдвига вагона с места, сам вскочил за нашим газетчиком туда же.

— Можешь переходить из вагона в вагон, но, смотри у меня, чтобы жалоб на тебя не было, ни-ни!

— Господи, благослови!—прошептал про себя Аль, переступая порог вагона.

В те времена в вагонах не имелось еще закрытых купэ; сидения были расположены вдоль всего вагона по обе стороны прохода. Большинство пассажиров запаслось газетами уже в Детроа; поэтому Аль, пройдя весь ряд вагонов, не сбыл и половины своей пачки. Зато один из пассажиров навел его на счастливую мысль.

— Эй, газетчик!—окликнул его тот, а когда Аль с удивлением на него оглянулся, так как у окликнувшего в руках была уже газета, пассажир попросил его принести ему стакан воды.

— Сию минуту, сэр,—отвечал Аль, разыскал кондуктора и спросил его, где бы достать ему стакан воды для одного пассажира.

— В наших местных поездах нет ресторанного вагона,—был ответ.—В уборной найдешь и графин с водой и стакан.

Пройдя в уборную, Аль, прежде чем налить воды из графина в стакан, выполоскал его и обтер чистым концом висевшего тут же полотенца, потом уже наполнил из графина и, поставив на свою газетную пачку, понес его так жаждущему пассажиру.

— Простите, сэр: другого подноса не нашлось.

Опорожнив стакан, пассажир возвратил его мальчику и хотел при этом вручить ему также мелкую монету. Но Аль отдернул руку:

— Не за что, сэр.

— Да не даром же принимать от тебя услугу!

— Мне, сэр, это не стоило никакого труда; напротив, я очень рад, что мог оказать моему ближнему некоторое одолжение.

— Скажите, пожалуйста, какой благодетель! А я, милый мой, не привык оставаться в долгу. Ты что больше любишь: яблоки, апельсины или груши?

— Апельсины.

— Так вот купи себе апельсинчик и скушай за мое здоровье.

И пассажир протянул ему снова ту же монетку. Но Аль по-прежнему не решался принять ее.

— Помилуйте, сэр... У меня самого есть деньги...

— Бери, бери! А то ты меня обидишь. Да кстати: на следующей станции есть ведь буфет. Сбегаешь за своим апельсином, так захвати и для меня пару груш.

И он достал из кармана доллар. Когда поезд стал подходить к следующей станции, Аль, не выждав его остановки, соскочил уже на платформу и побежал в буфет. Взяв для себя апельсин, он выбрал для пассажира пару самых крупных и зрелых груш и, расплатившись, понесся опять со всех ног назад.

— Однако, прыток же ты,—улыбнулся ему навстречу пассажир. — Настоящий Меркурий! А знаешь ли ты, скажи, кто был Меркурий?

— Знаю: бог торговли и воровства.

— Верно. От кого ты это слышал?

— Сам прочитал в мифологии.

— Так ты охотник до наук?

— Ах!—вздохнул Аль.—Я так охотно занимался бы науками; но отец мой—коммерсант...

— Служитель Меркурия, и ты, как послушный сын, идешь по его стопам?

— Да... Вот, сэр, получите сдачи с вашего доллара.

— Нет, дружок; раз ты идешь по коммерческой части, так это—мой первый вклад в твой фонд. Да почему бы тебе, послушай, кроме газет, не предлагать пассажирам и фрукты? За твою услужливость Меркурий, я уверен, окажет тебе особенную протекцию, и у тебя со временем вырастут такие же, как у него, крылышки на ногах и на шапке.

Проходивший по вагону кондуктор заметил, что пассажир разговорился с юным газетчиком, и когда Аль, поблагодарив еще раз пассажира, нагнал в следующем вагоне кондуктора, тот полюбопытствовал узнать, о чем у них мог быть такой оживленный разговор. Аль рассказал и тут же воспользовался случаем, чтобы закинуть удочку с наживкой за новой рыбкой.

— А у вас, господин кондуктор, скажите, не найдется в поезде для меня такого уголка, где бы поставить корзину с фруктами?

— В моей каморке и самому мне негде повернуться.

— Да вы сами-то разве совсем не любите фруктов? Яблоки, например, говорят, для пищеварения очень полезны, особенно натощак.

— Полезны-то полезны...

— Ну, вот. Так я каждое утро угощал бы вас яблочком.

Кондуктор улыбнулся: рыбка клюнула.

— Спасибо, братец. Но первым делом тебе следует заручиться согласием начальства на продажу в поезде фруктов.

— Это уж моя забота. А уголок у вас, значит, найдется?

— Поищем—найдется.

У начальника порт-гуронской станции Алю не было даже надобности закидывать удочку. При подходе поезда к платформе, завидев стоящего уже на подножке вагона мальчика с газетной пачкой, он погрозил ему пальцем, чтобы не смел соскакивать до остановки поезда, а затем подозвал его к себе и, выслушав от него то же самое, что перед тем Аль рассказал уже кондуктору, потрепал его одобрительно по плечу и сам же от себя разрешил ему продавать в поезде, кроме фруктов, еще и кое-что другое, что могло бы потребоваться проезжающим, как то: сигары, сласти, прохладительные напитки.

То-то обрадовались родители Эдисона, особенно же мать, когда узнали об удачном первом дебюте их Аля в роли газетчика! Она не могла придумать, чем бы повкуснее накормить проголодавшегося в дороге ненаглядного любимца, как и обласкать его!

— А знаешь ли, мама,—заметил Аль, насытясь и отдуваясь,—какие ведь все люди милые, славные, когда с ними разговоришься по душе!

— С тобой, голубчик, потому что ты сам такой милый и славный, а главное—умница. По платью встречают, по уму провожают. Ну, а теперь пойди-ка, приляг и отдохни.

— Нет, мама, теперь мне уж не до отдыха,—отвечал сын, хватаясь за картуз. — Ковать железо надо, пока горячо.

— Да ты, милый, куда ж опять? Неужто в Детроа?

— Потом и в Детроа. Местный поезд туда отходит только через три часа. Так у меня есть еще время сбегать на рынок...

— На рынок!

— Ну да, чтобы забрать на дорогу фруктов, а то и другого товару.

— Экой торопыга! Ты не знаешь ведь, где что купить и наверно переплатишь.

— Так идем вместе со мной. Возьми с собой на всякий случай еще денег: за газеты выручка у меня пока небольшая.

Мать все еще не сдавалась.

— Сейчас, дорогой мой, мне, видишь, некогда: посуда не убрана...

— Посуда подождет. В Детроа выбора на рынке, конечно, больше; другой раз я тебя уже не обеспокою.

Обняв ее и чмокнув, он накинул ей на плечи ее макинтош.

— Идем, идем.

Матери ничего не оставалось, как сдаться.

V.

Свойственный вообще американцам, в том числе и Эдисону-отцу, меркантильный дух сказался и на сыне. Взявшись раз за торговое дело, он отдался ему со всей

врожденной ему выдержкой и измышлением всяких способов для скорейшего успеха. Присматриваясь и применяясь ко вкусам пассажиров, он запасался товарами подходящего рода и качества, и со дня на день торговля его в поезде шла все бойчее, так что вскоре уголочек в каморке кондуктора оказался для него слишком тесен. Надо было выискать для себя свое собственное помещение. Он пошел рыскать по сараям и запасным путям станции и вскоре нашел, что было нужно.

— Что тебе, дружок?—спросил его начальник станции, когда Аль подошел к нему с поклоном.

— У меня к вам, сэр, опять большая просьба.

— В чем дело?

— Да вот, на заднем запасном пути у вас сколько уж времени стоят два старых-престарых товарных вагона, точно про них и забыли.

— Ну?

— Видно, в дело у вас они больше не пойдут?

— Отслужили свой век, так куда уж с ними!

— Уступите же мне один из них, будьте добренькие! Я вам его не испорчу.

Начальник усмехнулся.

— Ночевать ты в нем, что ли, хочешь, чтобы не проспать утреннего поезда?

— Нет, сэр: он служил бы мне складочным местом для моих товаров. А еслиб вы еще дозволили прицепить его к местному поезду...

— То ты ездил бы в нем и взад и вперед, как в собственной карете? Ловко и практично! Ну, что же, мы это обсудим...

— Да чего еще обсуждать, сэр? Вы ничего против этого, кажется, не имеете; все зависит от вас же самих. А вы сделали бы мне такое одолжение...

И умные глаза мальчика глядели в глаза начальника так доверчиво-умильно, что тот не стал уже раздумывать и тут же дал свое согласие.

Отслуживший вагон был принят опять на вольнонаемную службу и прицеплен к поезду, и Аль тотчас принялся приспособлять его для своих целей: раздобыв досок и гвоздей и вооружившись топором и молотком, он собственноручно разгородил вагон на две половины; в одной по стенам прибил полки для своих товаров, в другой устроился хозяином сам.

Хотя он таким образом сделался настоящим коммерсантом, однако и все свободное свое время не тратил даром: те отрывочные сведения по физике и химии, которые он уже раньше успел себе усвоить в городской библиотеке, не давали ему теперь покоя: всякий день он старался урвать час-другой, чтобы заглянуть в библиотеку для пополнения своих познаний по этим двум практическим наукам; в детроаском книжном магазине купил себе новейшие по ним учебные руководства, а потом постепенно обзавелся и описываемыми в них приборами и химическими составами. Так собственный кабинет его в вагоне превратился наконец в настоящую лабораторию, где он, изучая химию по учебнику, проделывал тут же на практике изложенные в нем эксперименты.

Приходила мать, приходил и отец, любопытствуя, как-то сынок их устроился. Мать похваливала, подбодряла его и, как опытная хозяйка, давала ему со своей стороны

полезные советы, как вернее сохранять портящиеся от сырости и холода фрукты и сласти, указывала, как что расставить на полках. Относительно же лаборатории отзывалась снисходительно:

— Это не по моей женской части! На досуге и сама я раскладываю пасьянс. Надо же мальчику чем-нибудь и потешиться и поразвлечься.

Отец смотрел на научные занятия сына менее одобрительно:

— И охота же тебе, Аль, на такие пустяки тратить и время, и деньги! Ты хорошо знаешь, как нам с мамой тяжело живется. Торговые дела мои, как заколдованные, не хотят опять наладиться, да и только! Неудача за неудачей...

— Прости, милый папа,—оправдывался Аль,—половину моего чистого дохода я отдаю маме на хозяйство; тебе я ни цента не стою...

— Знаю, знаю! Ты у нас примерный сын, что говорить. Но есть старая поговорка о двух зайцах и другая о пойманном воробье: двух зайцев сразу не поймаешь, а поймал воробья, так держи его крепко, чтобы не улетел. А эти твои ученые затеи—одна фантазия, воздушный змей. Унесет он тебя за облака, и сорвешься ты оттуда вниз, разобьешься до смерти; если же и останешься жив, то воробья-то из рук наверно упустишь.

Сын, однако, не дал себя обескуражить, не бросил полюбившихся ему «ученых затей», «воздушных змеев», не выпускал притом из рук и «пойманного воробья»—профессии газетчика, с присущей ему сообразительностью и настойчивостью стараясь увеличить сбыт своего печат-

ного товара. С этою целью он ночевал уже не дома, а в своем вагоне, чтобы не проспать его отхода в Детроа, куда он прибывал под утро, когда газета «Свободная Печать», уже набранная, выходила только что из-под типографского станка. Метраннаж (старший наборщик, сверстывающий набор в страницы), с которым, как и с другими служащими в типографии, Аль сумел очень скоро поставить себя в наилучшие отношения, охотно позволял ему заглянуть в пробный номер газеты еще до выпуска ее из стен типографии. Наскоро пробежав заголовок содержания газеты, напечатанный жирным шрифтом-Аль с врожденною чуткостью сразу соображал, насколько номер интересен для заурядного читателя, и, по ожидаемому спросу, запасался бо́льшим или меньшим числом экземпляров, а затем в вагоне, предлагая газету пассажирам, перечислял им животрепещущие новости дня. Обыкновенно, у него расходилось около 200 экземпляров, а при важных известиях и до 300 и более.

Два года уже Аль изощрялся так в качестве газетчика, когда между северными и южными Северо-Американскими Штатами вспыхнула ожесточенная, кровопролитная война из-за негров, которые в северных штатах пользовались уже общегражданскими правами, в южных же состояли в унизительном и тяжелом рабстве у землевладельцев - плантаторов. Каждый день приносил с театра военных действий свежие, всех интересующие новости. И вот, однажды, в пробном номере газеты в глаза Алю бросилось набранное огромным шрифтом известие о генеральном сражении, где убитых и раненых было 50.000 человек.

— «На этом можно хорошо заработать!—мелькнуло тотчас в голове Аля.—Заранее только надо предупредить по телеграфу публику на всех станциях».

С телеграфистами на железнодорожной станции в Детроа Аль был давно уже знаком. Ночной дежурный телеграфист не мало удивился, когда Аль, поздоровавшись, спросил его, читает ли он газеты.

— Еще бы не читать в такое горячее время!—отвечал телеграфист.—Всякий день я покупаю оба издания «Свободной Печати», утреннее и вечернее. Выписываю еще и два журнала: один еженедельный, другой ежемесячный. А что?

— Так я готов доставлять вам в течение полугода бесплатно, как оба издания «Свободной Печати», так и оба журнала.

Телеграфист выпучил даже глаза:

— Да что вы смеетесь надо мной? Или хотите меня подкупить для чего-нибудь незаконного?

— Ни то, ни другое. Вы можете оказать мне большую услугу.

— Ага. Услуга за услугу? В каком же она роде?

Аль объяснил.

— Та-а-ак...—протянул телеграфист.—Известие, действительно, замечательное. Моим товарищам-телеграфистам на промежуточных станциях до Порт-Гурона послать коротенькую телеграмму, пожалуй, я могу. Ну, а им-то с нею что делать?

— Вот в этом-то и главная услуга: пусть каждый из них убедит своего начальника станции, в интересах публики, на черной доске, где отмечается опоздание

поездов, написать мелом и телеграмму о том большом сражении.

— Ну, что ж, это тоже можно,—согласился телеграфист.—Только вы сами уж составьте телеграмму, чтобы мне не отвечать за ее содержание, а ее я передам тогда от себя.

Аль тут же набросал телеграмму.

— Вот вам моя телеграмма. Позвольте пожать вам руку. Сам я лечу за газетами в типографию.

В типографии Аль подошел к начальнику экспедиционного отдела, принимавшему от газетчиков следуемые с них, по числу номеров, деньги.

— Я к вам, сэр, с просьбой—отпустить мне в кредит до завтрашнего дня 1000 экземпляров.

— Что-о-о? Целую тысячу?—переспросил тот, полагая, что ослышался.

— Точно так. С собой я не захватил из дому такой суммы...

— Так сбегай домой.

— Да ведь живу-то я не здесь, а в Порт-Гуроне. Заранее я не мог знать, что номер будет такой интересный. Будьте добры, не откажите мне! Каждый день я и то ведь забираю у вас на чистые деньги 200—300 экземпляров...

— В кредит у нас ни одного экземпляра не отпускается.

— Ну, умоляю вас! Когда-то еще выдастся такой случай...

— Пошел, пошел! Не задерживай очереди.

Что тут поделаешь? Оставалось одно: просить о том же самого издателя газеты. За все два года, однако,

Аль не разу в глаза еще не видал этого господина, сидевшего почти безвыходно в своем кабинете, как турецкий султан в своем серале. Жил издатель, к счастью, в этом же доме, этажом только выше. Перед дверью в кабинет к нему стоял на часах лакей с блестящими пуговицами. На вопрос: встал ли уже господин издатель?—он свысока оглядел мальчика.

— Встать-то встал; да тебе на что его?

— Мне до зарезу необходимо иметь сейчас же 1000 экземпляров сегодняшней газеты, но в экспедиции мне в кредит их не выдают.

— Гм.. И я бы не выдал: кто тебя знает, какой у тебя кредит?

— Да вы доложите ему только, что так и так; он сам уже решит, выдавать ли мне или нет.

Пожав плечом, лакей вошел в кабинет доложить и тотчас же вернулся и открыл дверь Алю.

Издатель, мужчина средних лет, высокого роста, сухощавый и строгого вида, в золотом пенсне, сидел в глубоком, с высокою вычурною спинкой, кресле, за большим письменным столом, наклонившись над ворохом писем и телеграмм. При входе Аля, он повернул вполоборота в его сторону голову и повелительным жестом указал ему на полу в двух шагах от себя место; а когда Аль стал туда, он, поверх пенсне, вымерив его глазами с головы до ног, несколько секунд молча всматривался в его лицо. Осмысленное выражение лица и открытый, смелый взгляд мальчика расположили издателя, видимо, в его пользу: складки на лбу его сгладились, и он спросил довольно уже благосклонно:

— Ты газетчик?

— Газетчик, сэр, но не здешний: я разъезжаю на поездах взад и вперед между Детроа и Порт-Гуроном. Сегодняшний номер, судя по содержанию, будет очень бойко раскупаться.

— И я так думаю. Тебе нужно в кредит 1000 экземпляров?

— Просить больше я не посмел. В кредит я взял бы только до завтрашнего дня...

Издатель оторвал от блок-нота листок и написал на нем несколько строк.

— Снеси это вниз. Тебе отпустят столько экземпляров, сколько ты расчитываешь продать.

— Больше полуторы тысячи я во всяком случае не взял бы. Не знаю, как и благодарить вас, сэр...

— Хорошо, хорошо. Желаю тебе успеха и теперь, и в будущем.

Аль готов был поцеловать ему руку, а сбегая затем вниз по лестнице, подпрыгивал от радости и чуть было не поскользнулся, но во-время еще схватился за перила. Номер газеты был двойной—в 8 страниц, и грузную пачку в 3.000 листов тащить на плече четырнадцатилетнему мальчику было не так-то легко; но он поднял свой драгоценный груз, как перышко, и всю дорогу до вокзала бегом бежал, чтобы не упустить своего поезда.

«А ну, как телеграфист почему-либо не имел возможности разослать телеграмму на все станции?»

Эта мысль несколько умеряла его повышенное настроение. Хотя на станции дали уже второй звонок, он все-

таки забежал еще в телеграфное отделение; но ночного дежурного телеграфиста сменил уже денной, и Аль, того уж не допрашивая, выскочил опять оттуда, чтобы в последний момент с ним не заболтаться.

Когда поезд затем приближался к первой, небольшой станции Утика, отстоявшей от Детроа в двадцати километрах, Аль еще издали усмотрел там небывалое явление: вместо двух—трех человек, на платформе чернела целая кучка народа, привлеченная туда, очевидно, его сенсационной телеграммой.

«Молодец телеграфист—сдержал свое слово!—поблагодарил он мысленно своего сообщника.—Теперь и цену не грех повысить».

Еще до остановки поезда несколько рук протянулось к нашему газетчику, стоявшему со своей большой газетной пачкой перед открытым входом своего товарного вагона, а как только он соскочил на платформу, его обступили со всех сторон:

— Давай скорей газету!

— И мне, Аль!

— И мне! и мне! и мне!

— А мне два экземпляра Аль!

(Имя маленького, шустрого газетчика за два года знали уже все его покупатели по линии).

— Вы меня задавите, господа!—взмолился Аль, защищаясь от напиравших на него.—И цена нынче выше—пять центов.

— Пять, так пять! На, бери вот!

В одну минуту у него расхватали сорок экземпляров.

«Вот так так! Дальше цену, значит, можно и удвоить».

Вторая станция, Мейт-Клеменс, была больше первой, и на ней газеты дожидалась с таким же нетерпением уже целая толпа.

— Господа!—крикнул Аль еще из своего вагона.— Номер необыкновенный и цена ему десять центов.

Точно так же без всяких возражений из всех рук подавались ему требуемые десять центов. Когда он затем, с отходом поезда, пересчитал вырученную тут сумму, оказалось, что на этот раз разошлось у него уже полторы сотни экземпляров.

Таким образом до местного конечного пункта—Порт-Гурона—запас его убавился уже на добрую половину. На самой станции сбыл он еще немалую толику; по дороге в город, отстоявший от станции на полтора километра, его то и дело останавливали встречные покупатели; а в городе, когда он добрался до стоящей на главной площади церкви, где только что кончилась служба (день был воскресный), выходившие оттуда прихожане, завидев знакомую им всем фигуру молоденького газетчика, хлынули к нему с паперти общим потоком и чуть не сбили его с ног.

— Господа! не задавите меня!—возопил он.—Содержание газеты я вам сейчас прочитаю. Пропустите меня только на паперть, чтобы все меня слышали...

— Пропустите его на паперть: он нам прочитает,— подхватил кругом целый хор голосов.

Толпа расступилась, и Аль, взойдя на паперть, обрывающимся от быстрой ходьбы голосом стал читать то, что было напечатано в газете самым крупным шрифтом.

— Громче, Аль, громче!—перебили его стоявшие поодаль.—Нам здесь не слышно.

— Да чего еще читать,—кричали другие,—продавай скорей, и сами прочитаем.

Аль напряг, насколько мог, голосовые струны, чтобы все его расслышали:

— Хорошо, господа; но цена экземпляра четверть доллара.

— Ого! Ну, да что толковать! Давай сюда, давай!

Его снова со всех сторон окружили, и не успел он оглянуться, как от всей, еще многосотенной пачки в руках у него не осталось ни одного листа, но, вместо того, его денежный мешочек на поясе заметно отяжелел от звонкой монеты.

Теперь домой! Вбежав в столовую, где мать только что накрывала скатерть, он высыпал из мешочка на стол перед нею целую горку серебра:

— Ну, мама, это моя сегодняшняя выручка от газет; по-христиански с тобой поделимся.

Мать глазам своим не верила, и руками всплеснула:

— О, Аль! Да этак ты у нас скоро станешь настоящим Крезом!

VI.

Необычайная удача его первой же попытки воспользоваться телеграфом, чтобы обратить общее внимание населения по линии Детроа—Порт-Гурон на крупное газетное известие, открыла юному порт-гуронскому газетчику глаза на громадное значение телеграфа и вообще электричества для общественных целей. Это было как бы внезапное пробуждение в нем дремавшего еще, нераспустившегося творческого гения—гения изобретателя, имя

которого, до тех пор известное только сотням людей, покупавшим у него газету, должно было чрез несколько лет прославиться с одного конца земного шара до другого, но не детское его имя «Аль», а фамильное «Эдисон», как и мы будем называть его, начиная с этой главы настоящего рассказа.

На следующий же день, прибыв в Детроа, он первым делом зашел в книжный магазин и купил себе новейшее специальное сочинение по электричеству. Все свое свободное время затем как в пути по линии, так и дома, употреблял он теперь на изучение этой отрасли физики, почти отказавшись пока от дальнейшего занятия полюбившейся ему также химией. Вместо химических приборов, в его товарном вагоне появились электрические, как имевшиеся в продаже, так и изготовляемые им самим по чертежам и рисункам в его специальной книге. Работа эта была кропотливая и давалась ему не легко, так как у него не было руководителя, который показывал бы ему практические приемы при постановке приборов и при передаче телеграмм; до всего он должен был добираться собственным умом и высшим чутьем. Сколько было при этом несбывшихся ожиданий, сколько испорченных материалов и поломанных приборов! А все это вызывало все новые и новые расходы; свободных же денег не оставалось уже ни у него самого, ни у его отца, который притом к мудреным затеям своего сына-подростка относился с понятным у него, неудачника, недоверием. Приходилось, стало быть, извлекать еще какой-нибудь дополнительный источник доходов для успешного продолжения своих затей. Так, молодой Эдисон не раз целые ночи напролет

проводил в своем вагоне без сна, раскидывая умом всевозможные способы быстрой, но честной наживы.

И вот, в одну из таких бессонных ночей в разгоряченном мозгу мальчика вспыхнула и разгорелась на первый взгляд безумная, ребяческая мысль—самому сделаться издателем небольшой газетки.

Для этого, прежде всего, надо было обзавестись своим собственным печатным станком и набором. За советом он обратился к почтенному метранпажу «Свободной Печати», который, как и другие служащие в типографии газеты, благоволил к нему за его приветливый нрав и смышленость. Метранпаж расхохотался ему в лицо.

— Да что ты, братец мой, скажи, неужто так-таки не шутя это задумал? Ты меня не морочишь?

— Помилуйте, сэр; как посмел бы я вас морочить? Раздумал я все, как следует, со всех сторон. Я к вам собственно за советом.

— Ну, ну. Советом помочь тебе я готов.

— За два года слишком, что я забираю у вас газету, в типографии у вас я пригляделся, как ее набирают и печатают. Но свою печатать я буду во время пути в вагоне...

— Сам же?

— Сам.

— Вот-так так! В одном лице будешь и издателем, и редактором, и наборщиком, и печатником, и продавцом?

— А почему бы и нет? По крайней мере у меня ни с кем не будет ни споров, ни недоразумений, — прибавил Эдисон с улыбкой.

— Как у нас тут? Да, это, действительно, самое больное у нас место. Но ты забыл о сотрудниках, с которыми иметь дело не дай бог.

— Да единственным моим сотрудником буду я сам-же.

Метранпаж сомнительно покачал головой.

— Хороша, значит, будет газета! Ты будешь, конечно, перепечатывать только чужое.

— Зачем одно чужое? Газетка моя будет ведь не ежедневная, а еженедельная. За неделю, во время моих разъездов взад и вперед, я буду перехватывать на-лету массу самых свежих новостей и на станциях, и в дороге от пассажиров. Газетка будет маленькая, ну, и новости мелкие, но зато интересные для живущих по нашей линии.

— Что ж, давай тебе бог. Обожжешь себе пальцы,— в другой раз не станешь хвататься за что сгоряча. А вот, скажи-ка, довольно ли у тебя средств для такого дела?

Эдисон назвал сумму.

— Гм...—промычал метранпаж.—На это тебе не достать нового хорошего печатного станка, ни новомодного шрифта, не говоря уж про бумагу, про печатную краску...

— Да я и не гонюсь за новым станком, за новомодным шрифтом; лишь бы то и другое годилось для печатания.

— Твои будущие читатели, впрочем, не особенно, я думаю, с тебя и взыщут, если газетка твоя будет не так уж элегантна. Бухнуть сразу весь свой небольшой капитальчик и потом сесть на мель—было бы, конечно, совсем неразумно. А подержанный станок, старомодный шрифт ты найдешь, я полагаю, на здешнем толкучем рынке.

— Очень вам благодарен за совет, сэр. Завтра же бегу на толкучку.

— Погоди. Еще совет. В правлении вашей железной дороги нет ли такого директора, который к тебе особенно расположен?

— Есть один предобрый: он покупает газету постоянно у меня и заговаривает со мною.

— Ну, вот. Так перед самым выпуском первого номера твоей газеты сходи-ка к нему на квартиру и попроси его сделать тебе честь—быть первым твоим подписчиком.

— Непременно схожу! Еще раз благодаретвуйте. Но все же, раньше чем ему, позвольте мой первый номер поднести вам.

Все так и сделалось по сказанному, как по писанному. На местном толкучем рынке в пыльном углу лавчонки старьевщика нашелся старинного образца ручной печатный станок, какие давно уже были вытеснены в типографиях усовершенствованными машинными станками. Там же, под столом, нашелся и ящик с набором вышедшего из употребления шрифта. Хозяин, забывший уже было о существовании у него такого станка и такого шрифта, был, видимо, очень доволен сбыть с рук то и другое за сходную цену. Эдисон же отвел типографии в своем вагоне самое почетное место. Но сколько дней еще пришлось ему потом возиться с совсем новым для него делом, пока он не наловчился получать из-под станка безупречно оттиснутые листы газетки!

Наконец-то первый номер был окончательно составлен, набран и отпечатан. Не вынося еще своего новорожденного духовного детища из «детской» на показ большой публике; он один экземпляр, как обещал, поднес своему советчику-метранпажу, а с другим, оттиснутым на лучшей

веленевой бумаге, явился к своему доброжелателю-директору правления железнодорожной линии.

— Это что же такое?—удивился тот, когда Эдиссон с молчаливым поклоном подал ему чистенький, но сырой еще после отпечатания, небольшого формата газетный листок.

— Новая газета, сэр,—отвечал Эдисон.

— Новая газета? Да я ее, может быть, вовсе и читать не желаю.

— Ах, нет, сэр! Пожалуйста, очень-очень прошу вас хоть этот первый номер прочитать от начала до конца!

— Вот чудак!—снисходительно улыбнулся добряк-директор, в недоумении повертывая в руках листок. Насадив себе на нос очки, он прочитал сперва заголовок газетки:—«Grand Trunk Gerald». Гм!.. Это уж не издание ли нашего же «Grand Trunk Railway»? Но как же я-то, директор, до сей минуты ни слова об этом еще не слышал?

«Grand Trunk Railway», т.-е. «большой ствол железной дороги», была большая железнодорожная линия от г. Квебека вверх по течению реки Св. Лаврентия и вдоль берега озера Онтарио до Чикаго, а та стокилометровая линия от Порт-Гурона до Детроа, по которой взад и вперед ездил ежедневно Эдисон, была только ветвью «большого ствола».

— Эту газетку, сэр...—отвечал, запинаясь и краснея, Эдисон, — эту издаю я сам...

— Что-о-о? Ты сам?

— Точно так... Сам же ее и печатаю в моем товарном вагоне...

— Однако! Вот молодец-то! Да тебе, скажи-ка, сколько лет-то?

— Мне... уже 14, скоро 15.

— Ну, молодец!—повторил директор.—В таком случае этот номер я, конечно, прочитаю.

— Но у меня к вам, сэр, еще усердная просьба...

— Говори, милый мой, говори. Просьба твоя наперед уже исполнена.

Эдисон подал ему чистый лист бумаги, на котором была только надпись: «Подписка на газету Grand Trunk Gerald».

Директор опять улыбнулся.

— Что же, мне быть твоим первым подписчиком?

— Да, как бы крестным отцом...

— Твоего первенца? С удовольствием.

Взяв со стола перо, он расчеркнулся на подписном листе, а затем достал из своего кошелька горсточку золотых:

— Вот на зубок моему крестнику. Если твой «Вестник» вырастет, в самом деле, в «большой ствол» для других газетных ветвей, то я буду гордиться им не меньше, чем ты сам.

По скромным размерам газетки Эдисона (30,5—40,5 сантиметров), ей приличествовало, пожалуй, менее громкое название; но, чтобы оправдать свои расходы по ее изданию, издателю волей-неволей пришлось назначить сравнительно высокую цену—за номер 3 цента (6 коп.), а по месячной подписке 8 центов (16 коп.).

Что же касается содержания газетки, то Эдисон, хотя и был одарен необыкновенно светлым, практическим умом, но не обладал художественно-литературною жилкой, не имел склонности и к политике или к общегосударствен-

ным делам, а потому и не пытался доставлять своим читателям эстетическое наслаждение, ни знакомить их с политическими и государственными вопросами, в которых, по молодости лет, не умел еще и сам толком разобраться. Газетка, выходившая всего один раз в неделю и имевшая своим единственным продавцом самого издателя, ездившего изо дня в день по одной и той же железнодорожной ветви—между Детроа и Порт-Гуроном,—не могла, очевидно, расчитывать на широкое распространение вне пределов этой линии. Надо было, значит, заинтересовать ею местное население, главным же образом служащих на станциях. Поэтому «гвоздем» каждого номера газетки являлись бывшие втечение недели, по большей части хоть и мелкие, но любопытные происшествия по линии, а также выдающиеся случаи в семействах служебного персонала. Этим он обеспечивал себе постоянных подписчиков и покупателей на самих станциях. Затем газетка давала как для «своих» читателей, так и для проезжих, общие железнодорожные сведения о новостях по всему «большому стволу», о передвижении как по его ветвям, так и почтой и в омнибусах от станций. Далее—о рыночных ценах в ближайших торговых пунктах. Наконец, в конце каждого номера было отведено еще место для реклам купцов. Благодаря такому практическому ее содержанию, газетка вскоре стала расходиться уже в количестве 400 экземпляров. Приманкой к подписке служила для некоторых читателей и чисто-американская выдумка: каждому подписчику доставлялся один номер с напечатанной там его фамилией. В виду такой оригинальности газетки, даже «Times», самая большая лондонская газета, нашла возможным

отозваться об ней и об ее юном издателе, а Стивенсён, изобретатель паровоза, заказал Эдисону отдельный номер газетки лично только для самого себя.

Газетка давала уже такой доход, что Эдисон решился обзавестись и сотрудниками, а своим родителям мог уделять на хозяйство по 40 долларов (80 р.) в месяц.

VII.

Откуда безусому юнцу было легче всего навербовать для своей газетки сотрудников? Естественно, из среды своей же братии, однолеток-подростков, которые были рады шутя зарабатывать на свои прихоти в неделю несколько долларов. Но как раз один из них, Джемс Уорд, ненароком сыграл над своим сверстником-патроном презлую шутку. Так как он был превеселый и остроумный малый и владел пером лучше самого издателя, то Эдисон особенно с ним сошелся и предложил ему сделаться его компаньоном, чтобы сообща расширить программу газетки.

— Наш «Grand Trunk Gerald», сказать правду, довольно суховат,—говорил он.—Читают его почти одни только деловые люди, а молодежь да прекрасный пол в него даже не заглядывают. Хотелось бы мне оживить его литературным отделом.

— Великолепная мысль,—подхватил компаньон.

— Постой, дай досказать.

— Ну, ну, говори.

— Отдел этот отнюдь не должен быть романическим: романы тянутся несколько номеров и отвадят еще читателей. Я полагал бы сделать его анекдотическим, чтобы было над чем посмеяться.

— Как раз по моей части!

— Я и имел тебя в виду. Сам я рассказывать анекдоты не мастер, а ты находишь во всем смешные стороны и умеешь подбавить от себя еще перцу и соли.

— Верно. Так этот отдел ты отдаешь в мое полное распоряжение?

— Разумеется. Ты—мой компаньон и пользуешься одинаковыми правами со мною.

— Кроме редакторства. Но редакторского носа своего ты ко мне совать уже не станешь?

— Очень нужно мне! И своего дела у меня выше горла. Можешь под своим отделом выставлять и свое имя.

— Нет, зачем же? Ты, Аль, главный редактор и издатель; пускай же за тобою остается вся честь...

— И вся ответственность? — досказал Эдисон.—Что ты умышленно не порождешь меня, в этом я, впрочем, уверен.

— Ну, а ты как думал бы назвать нашу новую газетку? Надо бы что-нибудь позабористее...

— Например?

— Да сам ты, Аль, ни на чем еще не остановился?

— Нет.

— Так вот, например... например...—задумчиво пробормотал сквозь зубы Джемс Уорд и вдруг хлопнул себя по лбу.—Знаю!

— Ну?

— «Поль Прей».

Русскому читателю это имя ничего не говорит. Но в Северо-Американских Штатах оно тогда было очень хорошо известно, потому что в одной комедии тамошнего

модного поэта-драматурга Пуля, имевшей большой успех, под именем Поля Прея был выведен прековарный сыщик. Компаньон же Эдисона этим самым именем прозвал потом одного порт-гуронского обывателя, который целые часы просиживал в буфете железнодорожной станции за стаканом виски (ячменной водки), следя, как бы зорким оком сыщика, за пассажирами, подходившими к буфету. С легкой руки насмешника, прозвище «Поль Прей» так и осталось в Порт-Гуроне за этим господином.

— Ну, что ж,—сказал Эдисон,—кто у нас тут не знает буфетного Поля Прея? А ты в твоем отделе будешь наблюдать за публикой, как он в буфете? Так, значит, и назовем газету.

В Америке, как нигде в мире, реклама, хотя бы в виде названия, содействует успеху всякого нового предприятия. Так было на первых порах и с газетой «Поль Прей». Надо, впрочем, отдать справедливость Джемсу Уорду: в своем анекдотическом отделе он смешил невзыскательных читателей всевозможными действительными и вымышленными приключениями и мальчишескими проделками. От этого газета если и не улучшилась, то бесспорно оживилась и раскупалась гораздо бойчее.

На беду, однако, Уорд, как неограниченный редактор своего отдела, слишком широко пользовался своим правом и зачастую в своих анекдотах задевал ту или другую личность из местных жителей. Так, однажды, перед читателями появился действующим лицом и буфетный Поль Прей, притом в весьма нелестном изображении, как герой презабавного и пренеприятного приключения. И вот, под вечер того же рокового дня, когда Эдисон,

продрогший и голодный, плелся безлюдным берегом реки Сент-Клер со станции домой к родителям, мысленно предвкушая ожидающий его там, приготовленный матерью, простой, но сытный и горячий ужин, на него из-за угла наскакивает какой-то атлет и хватает его за плечи:

— Стой! Ни с места!

Эдисон не занимался вообще столь излюбленными у американцев, как и у англичан, спортивными упражнениями, и, будучи еще мальчиком, не мог, конечно, расчитывать справиться со взрослым, сильным мужчиной; а потому в первый момент, понятно, испугался. Но при свете мерцавшего на углу фонаря он разглядел в нападавшем станционного Поля Прея и, тщетно вырываясь из его медвежьих лап, спросил его:

— Да что вы—ограбить меня хотите? Ведь всякий в Порт-Гуроне вас хорошо знает.

— Я не грабитель,—буркнул в ответ Поль Прей.— Но я хочу наказать, как следует, подлого клеветника!

— Я вас не понимаю,—возразил Эдисон,—это кто клеветник? Уж не я ли?

— А то кто же? Ведь вы—Эдисон, издатель газеты «Поль Прей»?

— Да.

— Ну, вот, так вас-то мне и надо. В сегодняшнем номере под именем «Поля Прея» вы описываете меня в преглупейшей вымышленной истории, которой со мной никогда и не было. Это чорт знает что такое! Весь день уже и на станции, и на улице на меня пальцем указывали.

— В сегодняшнем номере, говорите вы?

— Ну да, в литературном отделе.

— Ах, вот что! Этим отделом у меня заведывает один из моих сотрудников, знаток по литературной части, и сам я, признаться, не имею ни времени, ни охоты, перечитывать эту дребедень.

— И напрасно! Тогда вы оставили бы меня в покое, а я вас. Теперь же и вы, и ваш сотрудник мне ответите за злостную клевету. Кто он, этот ваш сотрудник?

— Назвать его вам, простите, я не считаю себя в праве; за содержание газеты всю ответственность несу я.

— В таком случае, с вами одним я и расправлюсь.

С этими словами атлет приподнял Эдисона, как малого ребенка, с земли, перенес его к самой реке, раскачал и бросил в воду. Умея плавать, Эдисон, хоть и погрузился в воду с головою, но выплыл и выбрался на сушу. Тем не менее этот урок послужил будущему изобретателю на пользу: оставаясь по-прежнему газетчиком, он раз навсегда отказался от издательства и с тем бо́льшим еще рвением занялся опять химией, физикой и, специально, электричеством для применения их к повседневной прозе, более свойственной его практической натуре.

Но беда беду родит. Товарный вагон, предоставленный в распоряжение Эдисона за своею негодностью для службы самой железной дороге, был прицеплен непосредственно к тендеру паровоза, и при попутном ветре едкие запахи химических веществ из лаборатории Эдисона доносились до ворчуна-машиниста, и так уже страдавшего хроническим насморком. Поэтому из всех служащих по линии машинист был едва ли не единственным недоброжелателем всегда приветливого и услужливого газетчика.

Вдобавок собутыльник машиниста в буфете порт-гуронской станции, Эдисонов заклятый недруг Поль Прей, после описанного выше эпизода, не упускал случая натравливать его на Эдисона. Вскоре затем, во время движения поезда, и без того уже расшатанный, безрессорный вагон нашего лаборанта от сильного толчка на перекрестке рельсов так подпрыгнул, что стоявшая на полке бутылка с раствором фосфора опрокинулась и разбилась. Произошел взрыв, и вагон загорелся. Пришлось остановить поезд среди открытого поля. Пожар скоро удалось потушить; но машинист так рассвирепел, что жестоко избил виновного лаборанта, а когда тот влез было снова в свой вагон, он выгнал его оттуда и выбросил вслед за ним на рельсы все его приборы, сам же на своем паровозе со всем поездом умчался вон, оставив беднягу, в слезах, на полотне дороги среди осколков его колб, реторт и склянок.

Всем этим, правда, Эдисон современем понемножку опять обзавелся; но одного никто в целом мире восстановить ему не мог бы: от варварских затрещин, которыми наделил его машинист, он на весь свой век оглох на одно ухо.

VIII.

И до сих пор, спустя более полувека, Эдисон не может еще забыть катастрофы с его товарным вагоном.

«Уж каких-каких злоключений не пережил я с ранней юности до глубокой старости,—говорит он,—а никогда не был в таком отчаяньи, как тогда, когда лишился своей первой лаборатории».

Загорелся его вагон на полупути от последней станции к Порт-Гурону, и до порт-гуронской Эдисон протащился пешком, и телесно и морально полуживой. А тут на него обрушился еще с резкими упреками начальник станции, всегда относившийся к нему очень хорошо:

— Этак от твоего вагона мог бы сгореть целый пассажирский поезд, а я отвечай за тебя: зачем доверился ветрогону-мальчишке! Спасибо еще машинисту, что вовремя затормозил и дал возможность потушить огонь.

Эдисон стал было оправдываться ветхостью вагона, не выдержавшего толчка, но начальник станции не дал ему договорить:

— Вот теперь и распрощайся с твоим проклятым вагоном! Машинист объявил мне наотрез, что с тобой он никогда уже не поедет.

— Помилосердствуйте, сэр! — взмолился Эдисон. — Ведь продажей газет в поезде я только и существую, помогаю и моим родителям...

— Ну, ладно, господь с тобой!—смягчился начальник.—Газеты свои, так и быть, продавай пассажирам по-прежнему, но ни прежнего твоего вагона, который годен теперь разве что на дрова, ни какого другого я тебе уже не дам; так и знай, лучше и не проси. Опять заведешь себе лабораторию и подожжешь поезд.

Надоедать ему дальнейшими просьбами было, очевидно, напрасно, и, повесив нос, Эдисон побрел восвояси.

Когда он проходил через кухню, его мать, хлопотавшая у плиты, обернулась:

— А! Здравствуй, голубчик!

Он же, вместо того, чтобы, как всегда, также поздороваться (так как не видел ее с вечера), поцеловать ее и рассказать тут же что-нибудь новенькое из виденного и слышанного, молча прошмыгнул мимо в свою каморку.

Чуткое материнское сердце подсказало ей, что с ее любимчиком что-то случилось, и она прошла за ним в его каморку. А он лежал ничком на своей кровати, уткнувшись лицом в подушку, чтобы заглушить душившие его рыданья. Она подсела к нему и обняла его голову.

— Милый ты мой, дорогой мой! Что с тобой? Тебя кто-нибудь обидел?

— Ай, мама, оставь, не трогай меня... Мне больно...

— Больно?

Она бережно повернула его голову к свету и ужаснулась:

— Боже мой! Да ты, Аль, в крови и весь опух... У тебя была с кем-нибудь драка?

— Нет; сам я не дрался, но... После я тебе расскажу, мама... Теперь я не в состоянии...

— Хорошо, хорошо. Но оставить тебя так я тоже не могу. Надо смыть кровь, наложить холодные компрессы...

Когда это было сделано, сын настолько уже успокоился, что чистосердечно поведал ей, как что было.

— А без вагона, мама, я опять тот же газетчик только, что и вначале!—заключил он со вздохом свою повесть.

— Нет, Аль, продавать, кроме газет, ты можешь по-прежнему и другие товары,—старалась утешить его мать.— Для твоих запасов я очищу половину нашего погреба...

— Да господь с ними, с этими другими товарами! Не хочу я быть простым торгашом! Для чего я столько

трудился, производил все мои опыты?.. Я мечтал делать великие изобретения. А теперь... теперь, вместе с моими приборами, все мечты мои разлетелись, как дым...

И бедный изобретатель опять всхлипнул. Мать обняла безутешного.

— Ну, полно, миленький, полно! Приборы понемногу ты снова себе подыщешь еще лучше прежних.

— Да где я их поставлю? Вагона у меня уже нет, и другого мне ни за что уже не дадут...

— А на что же наш погреб? Я весь его тебе очищу. Там делать свои опыты тебе будет еще куда спокойнее и удобнее, чем в тряском вагоне.

— Но погреб, мама, для запасов тебе самой нужен..

— Ну, не такие уж у нас большие запасы, чтобы хранить по целым месяцам. Так и знай, что с завтрашнего дня мой погреб—твоя лаборатория. А чтобы ее сейчас же и устроить, как следует, у меня хранятся и твои собственные деньги...

— Мои собственные?

— Да, да; те, что ты давал мне на хозяйство, я нарочно для тебя же откладывала на черный день. Вот и пригодились!

И черный день миновал, облачное небо просветлело, а там проглянуло и солнышко. Благодаря заботливому уходу за ним матери, молодой Эдисон вскоре совсем оправился от телесных страданий, причиненных ему непримиримым еще недругом его, машинистом, и, как упругая пружина, облегченная от давящей на нее тяжести, воспрянул опять и духом. Сделавшись полным хозяином в уступленном ему матерью, довольно поместительном

погребе, он обратил его в такую же точно лабораторию, как раньше вагон, и каждое воскресенье и все свободное в будни время проводил там за своими опытами, главным образом по электричеству.

В своем сверстнике, бывшем своем компаньоне по изданию злосчастного «Поля Прея», Джемсе Уорде, он нашел опять же ретивого сотрудника. Вместе с ним изучая новейшее руководство физики, он тут же старался проверять теорию на практике. Так, когда они дошли до главы о подземном телеграфе, у него тотчас явилась мысль устроить такой телеграф между своим домом и домом приятеля.

— Тогда мы с тобой, Джемс,—говорил он,—можем во всякое время беседовать друг с другом, преспокойно сидя каждый у себя на квартире.

— Или даже лежа у себя на кровати!—подхватил Джемс.—Уж чего удобнее! Но для этого первым делом надо иметь и подземный кабель; да где раздобыть его?

— Кабель- то есть, хоть и не подземный, а подводный, и старый, без хозяина; а потому никто не может нам запретить воспользоваться им и для проведения его под землею.

— Где же он?

— А на дне реки Детроа. Я сам своими глазами видел, как он несколько раз обрывался. Тогда на него рукой махнули и стали прокладывать новый кабель: видно, очень спешно было; про старый же, ненужный, теперь наверное, уж забыли.

Достали наши приятели лодку и подъехали на реке Детроа к тому месту, где на дне ее покоился оборванный

подводный кабель. Джемс Уорд, нырявший как утка, разделся, прямо с лодки нырнул вглубь, отыскал там кабель, оборванный конец его передал Эдисону, а затем и сам прыгнул опять к нему в лодку. Общими усилиями удалось им дотащить за собой кабель до берега и извлечь из воды. Каким образом проложить его под землею между домами того и другого, Эдисон уже раньше вычитал из своего руководства, а покончив с подземной работой, он к обоим концам кабеля прицепил по проволоке, которые провел к квартирам своей и Уорда. Так между приятелями было установлено совершенно правильное телеграфное сообщение. Нечего говорить, как такое удачное исполнение взятой им на себя нелегкой задачи должно было поощрить инженера-самоучку. А уж как гордились теперь родители, не только мать, но и отец, своим сметливым сыном!

Легкомысленный товарищ Эдисона, Джемс Уорд, если и участвовал в его практически-научных экспериментах, то не столько ради их научного интереса или ожидаемых от них в будущем материальных выгод, сколько ради потехи. И теперь он не упускал случая для своих мальчишеских проделок при помощи электрической силы.

Раз, поздним вечером, когда каждый из двух юнцов находился уже у себя дома, между ними произошел по самодельному телеграфу такой диалог:

— Алло, Аль!

— Что, дружище?

— Ты еще не лег?

— Нет, читаю.

— Счастливец!

— А что?

— Да я лежал уже в постели, мне снился чудный сон, как вдруг... чорт бы их побрал с их серенадой!

— Кого это и с какой серенадой?

— Да кошек! Конура моя лежит ведь под самой крышей, и эти бестии не нашли для своего ночного вокального концерта лучшего места, как крышу над самой моей головой!

— Да ты заткнул бы себе уши пальцами.

— Заткнул, но ни к чему: все-таки ясно слышу: «мяу, мяу!», и вот должен был излить мою злобу хоть перед сочувствующей душой.

— Что я вполне тебе сочувствую, милый Джемс, ты можешь быть уверен. Но теперь, излив свою злобу, полезай-ка опять под одеяло, чтобы не простудиться, да накройся с головой, чтоб не слышать концертантов.

— Экой ты, право! Я еще не кончил.

— Так говори скорей. Мне надо дочитать главу.

— Скажи-ка, Аль: ведь в кошачьей шкуре много, кажется, электричества?

— Да: если ее хорошенько растирать против шерсти...

— То вылетают искры? Вот-вот. А что, если двух кошек соединить между собой проволокой и потом обеих растирать против шерсти, то получится настоящий, но живой телеграф, а?

— Еще что выдумал!

— Да ты, Аль, сам-то как думаешь: выйдет телеграф или нет?

— Это еще вопрос...

— Ну, так мы с тобой разрешим его, и наше изобретение прославит наши имена на весь мир.

— Всю славу, Джемс, я оставляю тебе. Ну, а теперь довольно об этом вздоре.

— Нет, серьезно, Аль. Я с детства еще гонялся по крышам за голубями, а у кошек нет и крыльев...

— Так ты их будешь ловить за хвост?

— Сам я их не стану ловить; я буду загонять их к тебе...

— Благодарю покорно! Доброй ночи!

На этом Эдисон оборвал разговор, чтобы дочитать свою главу.

Но не прошло еще и суток, как от слов приятели перешли уже к действию. Эдисон только что успел вернуться домой из своей газетной экспедиции в Детроа и утолить свой голод, как вдруг к нему врывается Уорд с мешком за спиною, а из мешка слышится не то сердитое, не то жалобное мяуканье и фырканье.

— Да неужели у тебя там в самом деле кошка?—спросил Эдисон.

— Не кошка, брат, а кот, да и не кот даже, а тигр, лев!—отвечал Уорд, сваливая свой мешок со спины на стол.—Старуха сперва ни за что отдать мне его не хотела.

— Старуха? Какая старуха?

— Да та чудачка-кошатница, знаешь, в переулке за рынком, что кормит по утрам у себя во дворе конским мясом всех городских бродячих кошек. Ты верно видел тоже как-нибудь это кормление зверей?

— Как-то раз случилось.

— Ну, вот. Нынче утром я прокрался туда еще до кормления и спрятался за бочку; а когда сбежались кошки

и началось кормление, я выскочил из моей засады и накрыл моим мешком вот этого молодца. Он чуть было не вырвался опять оттуда; а когда я схватил его руками, он вцепился зубами мне в палец и, пожалуй, отгрыз бы его, не хлопни его по башке старуха. Потом она давай бранить меня, на чем свет стоит...

— Но ты объяснил ей, что кот нужен нам для наших научных целей?

— Ну, нет. Тогда она ни в каком случае не согласилась бы отдать его, чтобы мы его не замучили. Я сказал ей, что будто бы я сам тоже страстный любитель кошек и хочу приручить этого бездомного бродягу.

— Но для нашего кошачьего телеграфа мало одного такого экземпляра.

— А второй, совсем такой же, только прекрасного пола, мы у ней самой, у старухи, позаимствуем!—отвечал со смехом Уорд.

— Т.-е. как так позаимствуем?

— А так, чтобы, по миновании надобности, ей опять в целости возвратить. Это я беру уже на себя. Оба экземпляра друг друга стоят. Электрические батареи с обоих концов телеграфа должны быть ведь по возможности одной силы. Эту вот батарею, пока что, ты сохрани у себя в погребе: под землей ее и кошатница не пронюхает.

При всем своем серьезном стремлении к научному и практическому изучению электрических явлений, 15-тилетний Эдисон как-никак был еще живчиком-подростком и, смеясь, согласился на ребяческую проделку головореза-приятеля, от которой не мог ожидать, конечно, никакой существенной пользы.

Не далее, как на следующий же день, в те же часы, Уорд, действительно, принес к нему в подземную лабораторию, в мешке же, великолепную большущую кошку.

— Вот тебе, Аль, и вторая батарея. Я свое дело сделал; теперь все за тобою. Полюбуйся-ка: какова, а?

— Да ведь это уж не какая-нибудь простая, бродячая кошка,—заметил Эдисон,—а какой-то особой породы.

— Сибирской или ангорской—не знаю. Я же про нее и говорил тебе: это—любимица кошатницы.

— Но как сама-то кошатница согласилась одолжить ее нам для наших опытов?

— Она ничего еще, конечно, не знает. У старухи служит одной прислугой глупая девчонка из деревни. За доллар эта дурочка взялась тайком принести мне кошку на дом под условием, что завтра вечером я верну ей ее назад. А чтобы кошка меня чересчур не дичилась, я угостил ее у себя дома прелакомым кусочком—живою мышью. Видишь, она дает себя уж гладить и мурлычит. Как-то ей понравится, когда ее станут гладить против шерсти!

— А мышь-то для нее, Джемс, где ты взял?

— У моих хозяев: в мышеловку к ним, что ни день, попадает аккуратно по штуке. Ну-с, а теперь, Аль, за работу. Посмотрю-ка я, как ты привяжешь к общей проволоке своего дикаря и мою благородную лэди.

— Сперва надо будет сделать опыт вызвать у них искры растиранием против шерсти,—возразил Эдисон.—Начнем с твоей лэди: она смирнее.

Но, увы! как только наши экспериментаторы принялись за вызывание искр из ее шерсти, смирная любимица кошатницы также мигом озлилась, пустила в ход свои

острые когти и так отчаянно замяукала, что на помощь ей выскочил из своего мешка и дикарь. И кошачьи когти оказались сильнее человеческих рук, которые, перецарапанные, очень скоро вынуждены были пустить на волю и пленника и пленницу.

Этот неудачный научный опыт едва-было не окончился еще более драматично: старуха-кошатница, заметив исчезновение своей любимицы, притянула к ответу свою деревенскую прислужницу, и та со слезами повинилась в подкупе ее Джемсом Уордом. Не обошлось бы тогда дело, пожалуй, и без судебного разбирательства, не вступись посредницей мать Эдисона, которой в конце-концов и удалось упросить взбешенную кошатницу сложить гнев на милость.

IX.

Заплатив кошачьими царапинами дань свойственным отроческому возрасту шалостям, Эдисон с новым рвением продолжал серьезные опыты по разным применениям электричества. Избегая всяких лишних трат на себя лично из скромного своего дохода от продажи газет, он постепенно обзаводился разного рода электрическими приборами.

— Уж не довольно ли у тебя этих дорогих штук?— говорила ему мать.—Подумал бы ты лучше о себе самом. Погляди на себя: платье на тебе совсем износилось, заплата на заплате. Неужели тебе не стыдно ходить в таком виде с твоими газетами по вагонам? Я штопаю-штопаю; не знаю, право, как дальше и быть... А потом, не забудь, что ты еще так молод: надо же в молодости позволить себе также какое-нибудь невинное развлечение, сходить в театр... А ты вот и дома все трудишься, трудишься...

— Для меня, дорогая мама, этот труд—высшее удовольствие,—отвечал сын.—Одно меня только мучает: до всего я должен доходить сам по книгам; нет у меня никого, кто бы указывал мне, как к чему приступить на деле. Одна мечта у меня: попасть в телеграфную школу или найти хорошего наставника, чтобы сделаться потом телеграфистом.

И, летом 1862 года, совсем неожиданно, такой наставник, притом даровой, нашелся, мечта осуществилась. На станции Мейт-Клеменс, второй от Порт-Гурона, у начальника станции был двухлетний малютка Джемми, который, точно так же, как и взрослые, очень хорошо знал нашего молодого газетчика, не упускавшего случая при остановке на станции приласкать хорошенького пузанчика. И вот, во время одной такой остановки, пробегая с своей газетной пачкой по платформе, Эдисон видит вдруг, что с конца поезда отцепили только что нагруженный товарный вагон и катят на вторую пару рельсов, а там, всего в нескольких шагах, играет, ничего не чая, крошка Джемми. Не задумываясь, Эдисон выпускает из рук свои газеты, соскакивает вниз с платформы, перебегает через полотно дороги на вторые рельсы и в последний уже миг подхватывает с земли младенца, который иначе неминуемо был бы раздавлен. Отскочить назад он уже не успел; пришлось кинуться вперед; при чем, однако, колесом накатившегося вагона его все-таки задело и ударило в каблук с такой силой, что он не мог уже удержаться на ногах и, вместе с своей живой ношей, упал ничком на лежавшую по ту сторону рельсов груду щебня. Когда тут подбежал сам начальник станции Макензи, а за ним и другие, чтобы

поднять потерпевших, оказалось, что острыми осколками щебня лица обоим изранило в кровь, но, к счастью, неопасно. А уж как благодарны были родители Джемми его спасителю,—этого и передать на словах невозможно. Чтобы ему ехать сейчас дальше на своем поезде,—они и слышать не хотели. Управясь с своим плачущим малюткой, г-жа Макензи собственноручно обмыла, как следует, израненное лицо Эдисона, сварила для него кофе, накормила его; а муж ее принес ему из буфета стакан виски и насильно заставил его выпить стакан до дна, после чего достал еще полбутылки шампанского:

— Ну, а от этого благородного напитка вы и сами не откажетесь, чтобы чокнуться со мной и с женою. Будь я богатый человек, я озолотил бы вас; но, как человек бедный, существующий одним своим жалованьем, могу только обещать вам сделать для вас все, о чем бы вы меня, когда бы то ни было, ни попросили.

— В таком случае, мистер Макензи, — сказал Эдисон,—у меня теперь же была бы к вам большая просьба...

— Она наперед уже исполнена. Говорите.

— У меня одно только желание—стать телеграфистом. Обучите меня телеграфированию!

— С особенным удовольствием обучу вас всему, что сам знаю.

И он сдержал свое слово. После обычных своих поездок взад и вперед по линии, Эдисон всякий раз возвращался еще на товарном поезде на станцию Мейт-Клеменс к своему наставнику для изучения телеграфного дела. Макензи не мог нахвалиться его прилежанием и изумительною сообразительностью, схватывающею всякое объяснение на-

лету. В десять дней Эдисон сделал такие успехи, каких другой не достиг бы и в полгода. И вдруг, к недоумению Макензи, его ретивый ученик перестал не только являться к нему на урок, но и вообще разъезжать по линии. Что бы это значило?

Прошло несколько дней прежде, чем Эдисон показался к нему снова с каким-то пакетом.

— Что вы, друг мой, хворали?

— Не хворал, а работал все эти дни в ружейной мастерской,—отвечал Эдисон, развертывая свой пакет.

— В ружейной мастерской?—повторил учитель.—Да какая работа могла быть у вас там по телеграфной части?

— А вот поглядите.

В пакете оказалось несколько почтовых конвертов, а в каждом конверте по крошечному телеграфному аппарату, которые он теперь расставил на столе. Осмотрел их Макензи, похвалил:

— Работа очень чистая, аккуратная, хоть сейчас на выставку. Но что толку в таких игрушках, на которые вы потратили столько времени? Ведь действовать эти аппаратики все равно не могут.

— Вы думаете?

И что же? «Игрушечные аппаратики» действовали преисправно. Макензи только руками развел:

— И все это сделали вы сами?

— Сам.

— Без чужой помощи?

— Без всякой.

— Ну, милый мой, дайте обнять вас и от души поздравить! Вы—настоящий мастер. Мне обучать вас уже нечему.

— Нет, дорогой мистер Макензи,—сказал Эдисон,—пожалуйста, не отказывайте мне и в дальнейших указаниях! Это ведь только уменьшенные копии того, что уже существует и всякому телеграфисту известно; а мне хотелось бы совершенствоваться...

— И совершенствовать существующее? Очень рад оказать вам в этом всякую помощь.

В это время в дверь заглянул молоденький шурин Макензи, Поль Беннер.

— Ах, это ты, Поль?—сказал Макензи.—Поди-ка сюда, посмотри на работу Аля. Ты все не желал учиться телеграфированию. А теперь что скажешь?

Поль был не менее зятя в восхищении от миниатюрных аппаратов.

— Вот это я понимаю!—вскричал он.—Это такая прелесть... Таким делом я очень охотно занялся бы вместе с Алем.

— А я был бы очень рад такому товарищу,—подхватил Эдисон:—с моим новым планом мне одному не управиться.

— Какой это план?—заинтересовался теперь серьезно и Макензи.

— От нашей порт-гуронской станции до самого города целых полтора километра; между тем они до сих пор не соединены еще телеграфом.

— И вы хотите сами от себя это сделать?

— Дело это вовсе не такое уж сложное...

— Не сложное, но и не дешевое: самые аппараты, телеграфные столбы, проволока—требуют не мало денег.

— Все это, мистер Макензи, я уже обдумал. Устроим мы линию на самых дешевых началах, а с пу-

блики будем взимать небольшую плату, чтобы окупить расходы.

И точно, вскоре, при живом участии Поля Беннера, он привел свой план в исполнение: вместо телеграфных столбов, послужила ему существовавшая уже между городом и станцией деревянная изгородь, к которой они простыми гвоздями приколотили свой провод—простую же железную проволоку; а плату за короткую депешу назначили возможно низкую—$12^1/_2$ центов (25 коп.), и городские жители стали охотно пользоваться этим дешевым способом переговариваться со станцией.

Упражнялся Эдисон у Макензи в технике телеграфирования в течение трех месяцев и настолько ее себе усвоил, что превзошел в ней даже своего учителя.

— Ну, теперь я смело могу рекомендовать вас на первую же вакансию на нашей линии,—сказал Макензи.

Но раньше еще, чем открылась такая вакансия на линии, для Эдисона нашлось место телеграфиста в самом большом североамериканском телеграфном обществе «Great Western Union Telegraph Company». Поневоле пришлось ему тут распроститься с родительским домом. Сколько пролито было слез матерью при разлуке с обожаемым сыном! Горевал и отец, который, повидимому, также перестал уже сомневаться, что сыну его суждено со временем сделать себе громкое имя.

— Дай тебе судьба быть счастливее меня в твоих предприятиях,—говорил он со вздохом.—Но и тебе, я уверен, придется испытать не мало всякого рода невзгод, прежде чем счастливая звезда взойдет над тобою.

X.

Эдисон-отец оказался прав: всемирная слава величайшего изобретателя далась Эдисону-сыну Томасу-Альве не скоро, после всяческих испытаний и разочарований. Причиной тому, особенно в молодости, была, с одной стороны, его вечно-беспокойная творческая натура, неудержимо толкавшая его к нарушению однообразных и скучных, более или менее механических служебных обязанностей, а с другой стороны зависть старших его сослуживцев, которые не могли простить «незрелому» юноше его поразительных способностей и успехов.

Так, в первый же год своей службы телеграфистом в г. Стратфорде (в Канаде, в 300-х километрах от Порт-Гурона) он придумал для своего облегчения во время ночного дежурства очень остроумное автоматическое приспособление, за которое едва не поплатился своим местом. Для постоянного контроля над ночными дежурными, начальник эксплоатационного отдела издал приказ, чтобы дежурный, в доказательство, что он не спит, каждые полчаса телеграфировал слово s i x (шесть). Между тем 16-летний Эдисон все свободные от дневной службы часы проводил или за своей собственной работой или же в прогулках по окрестностям Стратфорда, а к ночи был, обыкновенно, так утомлен, что во время своего дежурства не мог уже преодолеть сна. Поэтому, вместо себя, он заставил телеграфировать часы в дежурной комнате: прикрепляя к ним маленькое колесо с надрезами, он соединял его с телеграфною цепью, и всякие полчаса, когда проволока попадала в надрез колеса, телеграф

сам собой аккуратно отбивал слово «s i x». Надрезы, однако, понемногу иступились, и буквы s i x перестали выходить. Так как это случалось только в ночные дежурства Эдисона, то начальник заглянул к нему в дежурную комнату ночью и застал его спящим. Разбудив хитреца, он распушил его так, что тот спросонья признался в своей проделке. Приспособление было, разумеется, уничтожено, а виновный, под угрозой быть уволенным от службы, отделался на этот раз, кроме строгого выговора, денежным штрафом.

В другой раз вина его была куда серьезнее и едва не повела к ужасной катастрофе. К обязанностям железнодорожного телеграфиста относилось также уведомлять депешами так называемого «отправителя поездов» о прибытии каждого поезда на станцию. Во время ночного же дежурства Эдисона надо было задержать ожидаемый на станции товарный поезд; но Эдисона клонило опять ко сну, и ему хотелось проветриться на свежем воздухе.

«Поспею еще вернуться», уверил он себя и, не выждав поезда, послал депешу, что поезд будто бы уже прибыл, сам же вышел в поле прогуляться. Но, замечтавшись, он забрел так далеко, что не поспел уже назад к приходу поезда, а машинист, не получив своевременно от «отправителя» сигнала об остановке, двинулся к товарному складу станции, чтобы сдать и принять грузы. Как вдруг Эдисон на своей прогулке, оглянувшись, видит издали огни поезда у товарного склада.

«Что делать?! Поезд-то уж у товарного склада... Сейчас может опять отойти, уйти дальше и столкнуться со встречным поездом»...

Со всех ног бросился он к товарному складу. Но ночь была безлунная; в темноте он не замечает под ногами глубокой ямы, оступается и стремглав летит в яму. Когда он кое-как выкарабкался оттуда, поезд, действительно, отошел уже от склада.

«Опоздал! Что же теперь? Остается одно: бежать на станцию, дать депешу на следующую станцию, чтобы там задержали хоть встречный поезд».

Когда он добежал до станции, то впопыхах наткнулся на начальника станции, который стал его допрашивать, куда он отлучался, да дал ли в свое время депешу «отправителю». Он откровенно повинился, что дал ее слишком рано, чтобы немножко прогуляться, но назад опоздал, и вот теперь хочет предупредить следующую станцию, чтобы не было крушения...

Начальник страшно вспылил:

— Ну, это вам так не сойдет! Сейчас же телеграфируйте, чтобы не пускали встречного поезда.

Но когда Эдисон снесся со следующей станцией, то встречный поезд, оказалось, был уже пущен; крушения же, на самом деле, не случилось только благодаря внимательности машинистов обоих поездов, которые во-время углядели летящие им навстречу огни и затормозили свои паровозы.

На другой день Эдисон был экстренно вызван к начальнику эксплоатационного отдела. Тот набросился на него, как ястреб на цыпленка:

— Молодой человек! Так служить нельзя; слышите: невозможно! Ваше непростительное небрежение к службе могло стоить жизни сотне людей, что, можно сказать,

равносильно массовому убийству. За такое преступление я мог бы засадить вас в тюрьму на пять лет...

К счастью Эдисона, в это самое время в дверях приемной показались двое посторонних лиц. Начальник повернулся к ним:

— Чем могу служить?

Те начали излагать причину своего прихода. Преступник наш не нашел нужным выждать, пока они кончат, и начальник обратится к нему снова, и тихомолком сторонкой выскользнул вон. У товарного склада стоял как раз поезд, с машинистом которого он был в хороших отношениях.

Не раздумывая долго, Эдисон направился туда.

— Добрый день! Вы куда отсюда? Не в Сарнию ли?

— В Сарнию.

— Слава богу! Оттуда мне в Порт-Гурон к родителям только на пароме через Сен-Клер. Голубчик! возьмите меня с собой!

— Извольте. Полезайте ко мне скорей. Сейчас тронемся.

Так беглец благополучно, без дальнейших приключений, возвратился в родительский дом, но до поры до времени должен был оставаться там без определенных занятий.

Впрочем, ему вскоре представился прекрасный случай проявить свою сообразительность и изобретательность на общую пользу и этим приобрести уже некоторую известность. После суровой зимы наступило тогда сразу весеннее тепло, и лед на озере Гуроне, необыкновенной толщины, стал быстро таять и трескаться. По реке Сен-Клер начался такой массовый ледоход, что на кабеле, проложенном по

дну реки от Порт-Гурона до Сарнии, образовался затор и кабель разорвался. Так на время прекратилось всякое сообщение между обоими берегами не только паромом, но и по телеграфу. Тут компания «Grand Trunk Railway» вспомнила опять о молодом изобретателе и прислала за ним за советом: как быть?

Взяв паровоз, Эдисон подъехал на нем к самому берегу и стал давать тревожные свистки то продолжительные, то короткие, отрывистые. На том берегу в Сарнии, куда через реку на расстоянии двух километров свистки были ясно слышны, телеграфисты сначала недоумевали, что бы такое это значило? Но затем вдруг догадались, что свистки эти даются не кому иному, как им же, телеграфистам, так как по телеграфному алфавиту Морзе буквы обозначаются черточками и точками, и продолжительные паровозные свистки из Порт-Гурона должны соответствовать телеграфным черточкам, а короткие— точкам. Когда этот звуковой алфавит телеграфистами в Сарнии был переведен на телеграфный, то загадка тут же разъяснилась. Вопросы и ответы с берега на берег стали передаваться свистками так же безошибочно, как постукиванием телеграфных станков.

Этот случай не мог, конечно, не обратить опять внимания телеграфного начальства на выдающегося телеграфиста, и оно охотно приняло его опять на службу. Мозг Эдисона, однако, по-прежнему неустанно работал над проблемами улучшения существующих приборов по телеграфированию и вообще по электричеству, и это не давало ему должного терпения и усидчивости при исполнении служебных обязанностей, чем и пользовались его завист-

ники и недоброжелатели-сослуживцы, чтобы выжить этого «выскочку» из своей среды. Так, втечение двух лет ему пришлось шесть раз перекочевывать из города в город, с места на место. Продолжая посылать родителям половину своего жалованья, он почти всю вторую половину расходовал на свои опыты, а себе самому отказывал во всем, без чего мог как-нибудь обойтись. Таким образом на пятом месте внезапная отставка застала его врасплох без теплого зимнего платья и с пустым карманом. Когда он в своем поношенном летнем пальто и старой соломенной шляпе, изможденный и усталый, очутился в г. Луизвиле, где он расчитывал найти занятия в телеграфном бюро, его неприглядный вид бродяги не внушал ни малейшего доверия и его едва допустили к пробной работе. Но когда он на деле доказал свое редкое искусство в телеграфной технике, ему сразу предложили место с хорошим содержанием, так что он вскоре обзавелся целой библиотекой дорогих сочинений по электричеству и с прежним увлечением принялся за свои опыты. Однако, они же были причиной потери им и этого места. Для одного опыта, который он делал, по обыкновению, в свободное ночное время, ему потребовалась серная кислота. Собственный запас этой кислоты у него вышел, и достать ее ночью было неоткуда, кроме «батарейной комнаты» электрического общества, где хранились химические вещества для электрических батарей и склёпок. Эдисон тихохонько пробрался туда, но, переливая себе в склянку кислоту из большой бутыли при слабом свете огарка, он пролил изрядное количество едкой жидкости на пол. Весь занятый мыслями о своем опыте, он не придал этому

серьезного значения, возвратился в свою лабораторию, а окончив свой опыт, преспокойно отправился спать. Вдруг рано утром, когда он только что встал с постели, за ним присылает начальник эксплоатационного отдела.

— Скажите, мистер Эдисон: вы где провели эту ночь?

— Где провел?.. У себя на квартире.

— И никуда оттуда не отлучались?

Эдисон покраснел и замялся.

— Ну, что же? Не занимались ли вы опять перед сном вашими экспериментами?

— Занимался.

— И вам не достало какого-нибудь реактива?

Наш экспериментатор еще более покраснел.

— Да, серной кислоты...—пробормотал он.—Но откуда вам, сэр, это известно?

— Моя собственная квартира помещается как раз под батарейной комнатой, и пролитая вами серная кислота просочилась сквозь пол и перепортила мне ковры и мебель.

— Виноват! Мне и в голову не пришло... Простите, пожалуйста! Не мог же я знать, что в полу там такие щели...

— Виноваты, сударь мой, не щели, а тот, кто без разрешения входит в наши склады, куда вход вообще запрещен, и распоряжается там, как дома.

— Я вполне сознаю свою вину и прошу вас, сэр, вычесть из моего жалованья все причиненные вам вследствие моей неосторожности убытки...

— Выслуженного вами жалованья мне не нужно,— прервал его начальник.—Кассир выдаст вам его без вся-

кого вычета; но с сегодняшнего же дня вы уже не состоите на службе нашего общества: нам нужны телеграфисты а не экспериментаторы.

Эдисону ничего не оставалось, как откланяться, пойти за выслуженным жалованьем к кассиру, сложить свои пожитки и возвратиться опять к родителям в Порт-Гурон, где, впрочем, для него нашлось тотчас такое же место телеграфиста.

XI.

За полтора года, которые Эдиссон на этот раз провел под родительским кровом в Порт-Гуроне, он возмужал и остепенился. Ему минуло 21 год; но, относясь теперь к своим служебным обязанностям гораздо строже, он, само собою разумеется, не отказался от своих неслужебных «экспериментов». Достигнутая им еще раньше передача телеграмм с одной телеграфной цепи на другую послужила к сближению его с одним из довольно влиятельных членов телеграфного общества, Мильтоном Адамсом. Когда же ему удалось теперь после целого ряда опытов добиться употребления одного общего кабеля для двух цепей, дружески расположенный к нему Адамс явился к нему от имени телеграфного общества:

— В знак благодарности за ту пользу, которую вы принесли нашему обществу вашим последним изобретением, примите вот от общества даровой билет для поездки в Бостон, куда вас, я знаю, давно уже тянет.

— Еще бы не тянуть!—вскричал обрадованный Эдисон.—Бостон ведь после Нью-Йорка второй торговый

порт в Соединенных Штатах. Я о том только и думаю, как бы совсем туда перебраться...

— Чтобы расправить свои орлиные крылья?—досказал Адамс.—Летите же с богом, мой друг, а я снабжу вас еще рекомендацией, которая откроет вам двери в тамошнее «Франклинское телеграфное общество». Франклин изобрел громоотвод. Будем надеяться, что имя Эдисона, как изобретателя, станет не менее знаменито в той же области электричества.

И вот Эдисон уже в Бостоне, где, благодаря рекомендации Адамса, во «Франклинском обществе» ему, действительно, предоставили место с порядочным окладом, обеспечивавшим его от нужды.

Но в самом «Франклинском обществе», среди служебного персонала, против непрошенного «дикаря с дальнего Запада» подготовлялся тайный заговор. Переменив уже столько раз службу, Эдисон не придавал особенного значения первой встрече с новыми сослуживцами и явился в урочный час на службу во «Франклинское общество» в том же помятом, затасканном платье, в котором приехал, притом хорошенько еще не отдохнув и не выспавшись после четырехдневной тряски из Порт-Гурона. Заговорщики, насмешливо между собою переглядываясь, один за другим стали подходить к «дикарю», чтобы с преувеличенною вежливостью засвидетельствовать ему свое почтение и пожать руку.

«Уж не затевают ли они со мной какой-нибудь глупой шутки?—мелькнуло в голове у Эдисона.—Посмотрим господа, кто кого перешутит».

Он не ошибся: один из них выступил вперед и обратился к нему с небольшим спичем. Высказав общее их удовольствие иметь такого товарища, который успел уже своим мастерским телеграфированием составить себе почетное имя, он заключил так:

— Для самой большой нашей газеты «Бостонский Вестник» присылаются из Нью-Йорка специальные корреспонденции. Корреспонденции эти по большей части очень пространны; а потому передает их к нам оттуда самый бойкий телеграфист. Принимать их у нас приходится, конечно, с неменьшею быстротою. Позвольте же, ради первого знакомства, предложить вам честь принять сегодняшнюю депешу для редакции «Бостонского Вестника».

— Очень польщен, господа,—отвечал Эдисон,— и надеюсь, что нью-йоркский телеграфист, которого вы, разумеется, уже предупредили, останется не менее меня доволен.

Усевшись за указанный ему насмешниками отдельный стол, он вступил в состязание с нью-йоркским заговорщиком. Начал тот работать не торопясь, но понемногу все ускорял темп, пока не довел его до сорока слов в минуту. Эдисон же, понабив себе руку до сорока пяти слов в минуту, записывал за ним спокойно слово в слово и находил еще время чинить свой карандаш. Нью-йоркец стал сокращать слова и сливать их вместе; но Эдисон соответственно писал все мельче и мельче, выписывая все-таки каждое слово отдельно и полностью. Наконец эта бесцельная гонка ему надоела, и он сам протелеграфировал своему сопернику в Нью-Йорк:

— Послушайте, милый человек: не начать ли вам теперь с другой ноги?

Тот понял, что дока на доку нашел и, устыдившись, дал уже другому телеграфисту окончить депешу. Обступившие Эдисона и злорадно глядевшие через его плечо сослуживцы в чаянии потешиться над «дикарем» должны были также сознать себя побежденными. А так как он не зазнавался и обращался с ними просто и дружелюбно, то и они, с своей стороны, стали относиться к нему потоварищески и искать его дружбы. Точно так же и начальство очень скоро оценило его выдающиеся способности и, при всяком случае пользуясь ими, выдвигало его перед другими. Под живительными лучами взошедшего над ним солнца, все заметнее распускался теперь и его природный гений. В мозгу его сами собой зарождались все новые планы применения электрической силы. В 1869 году он взял первый свой патент—на изобретенный им электрический аппарат для подсчета голосов при баллотировке в парламенте. Аппарат, стоивший ему долгого труда и немалых денег, действовал отлично. Тем не менее, однако, он не был одобрен для употребления в парламенте, так как при таком автоматическом подсчете голосов меньшинство членов не имело возможности вести скрытую борьбу с большинством, что давно вошло уже в парламентские обычаи американцев. Эдисон не пал духом, но дал себе слово раз навсегда не брать впредь патента, пока он на деле не убедится, что его изобретение вполне применимо к существующим житейским условиям.

Для своих опытов и для изготовления новых аппаратов Эдисон завел себе и собственную небольшую мастер-

скую. Из числа вышедших оттуда в свет умственных его детищ упомянем здесь о «телеграфном указателе» для дилетантов, не умеющих еще обращаться с аппаратами, о приборе для печатания биржевых бюллетеней и о передаче одновременно нескольких депеш по одному проводу. В этой же мастерской он исполнял также заказы на электрические приспособления, как от чужих телеграфных линий, так и от частных лиц. Но эти заказы, вместе с получаемым на службе жалованьем, едва покрывали расходы на его дорогие опыты и аппараты, вводившие его иногда и в долги на сотни долларов. При этом он помогал еще и своему другу Мильтону Адамсу, который в то время бедствовал, лишившись места. Эдисон приютил его у себя и кормил на свой счет в кухмистерской, где столовался сам. Делился он с ним, разумеется, и своими новыми идеями, которые ни днем, ни ночью не давали ему покоя. Возвращаясь со службы, он тотчас садился за изучение сочинений славного химика Фарадея, сделавшего открытия и по электричеству, и не трогался с места далеко за полночь, между тем как старший друг его спал сном праведника.

Однажды Адамс, проснувшись в три часа ночи, видит своего кормильца все еще за лампой над книгой.

— Эдисон! Неужто ты все еще не ложился? А я уже выспался и после ужина опять проголодался.

— Так идем в кухмистерскую и поужинаем второй раз,—сказал Эдисон.—Вставай же, ну, живо!

И, стащив с Адамса одеяло, он заставил его одеться. Еще по пути в кухмистерскую, до которой было полтора

километра, Эдисон заявил, что после ужина ему необходимо еще дочитать главу Фарадея.

— Жизнь наша, Адамс, ужасно коротка!—говорил он,—никак не проделаешь в один день всего того, что хотел бы сделать. Чтобы не терять напрасно дорогого времени, я решил не ходить уж, а бегать. Побежим-ка!

Не дожидаясь ответа, он пустился бегом вперед. А на другой день уже показывал Адамсу наглядно на опыте то самое, о чем, по возвращении из кухмистерской, прочитал еще ночью в книге Фарадея.

Работая безустанно на общую пользу миллионов людей, Эдисон не пренебрегал, однако, и мелочами для применения электрической энергии. В телеграфном здании развелась такая масса тараканов, что они проникли даже в помещение телеграфистов, и к ночи выползали из своих щелей в таком количестве, что мешали им работать.

— Хоть бы вы, Эдисон, придумали что-нибудь против этой нечисти!—шутя заметил ему как-то один из товарищей.

— Постараюсь,—отвечал наш изобретатель.

Взяв две оловянные пластинки, он прибил их к стене таким образом, что между ними оставался для тараканов только совсем узенький проход, изолирующий одну пластинку от другой; затем через ту и другую провел сильный ток от гальванической батареи. Для привлечения же тараканов привесил к стене лакомую приманку так, чтобы они могли добраться к ней не иначе, как сквозь тесное ущелье между пластинками. Когда таракан вползал в эту теснину, то волей-неволей прикасался своими боками к обеим пластинкам и, замыкая этим гальваниче-

скую цепь, делался ее жертвой. За ночь к следующему утру на полу под немудреным аппаратом оказывалась всякий раз целая кучка мертвых тараканов, и через неделю от них не осталось и следа.

XII.

Прошло уже около года после того, как Эдисон взял свой первый патент (на автоматический подсчет голосов в парламенте, на практике оказавшийся неприменимым); но, верный данному себе тогда слову, он больше не брал патентов на сделанные им новые изобретения, пока пригодность их в широких размерах для общего употребления не подтвердится на деле. Между тем среди бостонских финансистов не находилось ни одного, кто решился бы рискнуть своими капиталами для каких-то «выдумок» юноши.

— Долго ли тебе еще киснуть здесь, в Бостоне?— заметил ему раз друг его Мильтон Адамс.—Запакуй-ка все свои модели и аппараты в ящики и повези их в Нью-Йорк.

— Я сам уже об этом подумывал, — отвечал Эдисон.— Там много разжившихся миллионеров. Но мне не хотелось бы расстаться с тобой, моим лучшим советчиком...

— Чтобы кормить меня из своих же средств, которые тебе самому так нужны для твоих дорогих работ,—досказал Адамс.—Как улыбнется тебе там счастье, так ты и выпишешь меня к себе.

Дня два спустя Эдисон катил уже в Нью-Йорк со всем, что в течение последних лет вышло из его гениального мозга.

Надежды обоих друзей на нью-йоркских капиталистов, однако, не оправдались. Три недели уже бродил Эдисон по улицам Нью-Йорка, побывал у директоров разных телеграфных обществ и крупных коммерческих фирм с предложением ознакомиться с его усовершенствованными или вновь изобретенными аппаратами, а в ответ с недоверчивой улыбкой только пожимали плечами, а то и просто слушать его не хотели. Когда, в конце третьей недели, точно так же безрезультатно он выходил с поникшей головой из конторы одной фирмы, сидевший около выхода пожилой конторщик, разжалившись, должно быть, убитым видом симпатичного юноши, подозвал его к себе:

— Скажите: вы не изобретатель ли тоже?

— Изобретатель.

— И прибыли с вашими изобретениями нарочно из провинции?

— Из Бостона.

— Я так и думал. Неудачное время выбрали вы для этого, молодой человек, очень неудачное! Есть ли у вас столько свободных средств, чтобы переждать здесь теперешнюю общую горячку?

— Признаться, их еле только хватит на обратный путь в Бостон.

— Так сейчас же берите обратный билет; весь наш финансовый мир бредит только спекуляциями Фульда... Вы слышали, конечно, имя Фульда?

— Еще бы не слышать! Это многократный миллионер. Я наведывался уж и в его контору, но меня там даже не приняли.

— Не до чужих афер им теперь; все вертится у них около грандиозной биржевой спекуляции—скупать все наличное золото, курс на которое растет с каждым днем. Когда оно выйдет совсем из обращения, тогда все наши финансисты очутятся в кулаке у Фульда, и всем им придется плясать по его дудке. Но вслед за Фульдом бросились спекулировать на золоте и другие охотники до легкой наживы, деловые и неделовые, и все эти биржевые страсти разжигает еще бюро Лоу, которое по телеграфу целый день сообщает 60-ти маклерским конторам о курсе золота на денежном рынке в данную минуту. Итак, молодой человек, попали вы к нам в пекло, где, будь у вас лишние деньги, и сами бы сгорели. Как сказано, поезжайте-ка себе опять туда, откуда прибыли, и где, как-никак, вас все-таки знают.

Очутившись снова на улице, Эдисон, окончательно обескураженный, поплелся, куда глаза глядят. Так забрел он на улицу Уолл, где невольно должен был остановиться, так как пол-улицы было запружено народом, толпившимся перед высоким домом с надписью: «Gold Reporting Company». Толпа гудела, как пчелиный улей, и из этого гула до слуха Эдисона всего чаще доносилось имя Лоу с угрозами и проклятьями.

— Это дом миллионера Лоу?—спросил он.

— А то чей же?—был ответ.

— Но почему, позвольте узнать, все против него так возбуждены?

— Потому что ни одна маклерская контора не получает от него сегодня телеграмм о золотом курсе, а не дает он их будто бы потому, что в бюро испортился вдруг

телеграфный аппарат. Так почему же он его до сих пор не исправит? Точно у него нет своих техников, чорт побери!

«Лови момент!»—сказал себе Эдисон и, протолкавшись к подъезду, поднялся по лестнице в самое бюро. Там, среди растерявшихся служащих была такая суматоха, что никто не думал задержать Эдисона, и он рядом комнат и корридоров проник и в помещение телеграфа. Вокруг испорченного аппарата и возившихся около него техников скучилось все начальство бюро.

— Ну, что же, господа, вы все еще не можете разобраться, в чем порча?—раздался властный голос одного из начальников.

— В таком сложном механизме, мистер Лоу, не скоро разберешься,—смущенно отозвался старший техник.

— Не позволите ли, мистер Лоу, и мне взглянуть?—вызвался тут Эдисон.

Лоу обернулся и окинул его сердитым взглядом.

— Да вы кто такой?

— Я телеграфист-техник и сам изготовил уже десятки аппаратов.

— Хорошо, посмотрите.

С привычною ловкостью Эдиссон отвинтил одну-другую часть аппарата и объявил:

— Сломалась контактная пружина. Она застряла между двумя зубчатками и мешает поэтому вращаться колесу с бумажной лентой.

— И больше ничего?

— Больше ничего. Исправить это—дело простое.

— Так что вы сами беретесь это исправить?

— Берусь. У вас здесь найдется вероятно запасная пружина?

Пружина нашлась, и Эдисон живой рукой привел аппарат в порядок.

— Что я вам должен?—спросил Лоу, который ни на шаг не отходил от него и с видимым интересом следил за всеми его действиями.

— От вас самих, мистер, Лоу, зависит оценить ту пользу, которую я принес вам.

— Идите же за мною.

Проведя Эдиссона в свой кабинет, он предложил ему стул и, сам усевшись в свое кресло, начал его расспрашивать. Вопросы ставились коротко и деловито, и ответы были не менее точны и ясны. Лоу, видимо, вполне ими удовлетворенный, в заключение заметил:

— Сегодня телеграф у нас испортился уже не в первый раз, да, конечно, и не в последний; а каждая такая порча приносит нам неисчислимые убытки. Нам нужен специалист, который постоянно наблюдал бы за телеграфною частью и предупреждал бы такие случаи. На вас, мистер Эдисон, я вижу, можно положиться, и потому я предложил бы вам место такого наблюдателя. Скупиться я не стану, для начала же мугу положить вам жалованье в 300 долларов в месяц. Согласны?

Никогда еще до тех пор не получая такого высокого, по тому времени, оклада, Эдисон, понятно, не стал торговаться. Теперь нужде его пришел конец, и его гению открывалось широкое поле для новых изобретений.

Первым из них, в угоду его патрону, было усовершенственное телеграфирование биржевых бюллетеней

о курсе золота и акций. Его новая система «stock printers» (дословно «печатня акций»), произведшая целый переворот в деловых сношениях, была тотчас куплена у него обществом «Stock and Gold Reporting Company» за 40.000 долларов. Таким образом, у него оказались теперь и свои собственные средства для устройства фабрично-обставленной мастерской с особой лабораторией, где, сам уже фабрикуя свои изобретения, он мог одновременно и далее их совершенствовать.

Несколько других телеграфных компаний не замедлили также войти с ним в соглашение о постоянной поставке и починке телеграфных аппаратов, и вскоре, из-за множества заказов, его мастерскую пришлось совсем заново перестроить.

Продолжаемые между тем Эдисоном в своей лаборатории опыты по улучшению телеграфного дела настолько уже обратили общее внимание, что две телеграфные компании нашли нужным заключить с ним очень выгодные для него условия на исключительное право пользоваться всеми его будущими изобретениями в области телеграфирования. Это, в свою очередь, вызвало такое усиление со всех сторон заказов, что ему ничего не оставалось, как еще более расширить свое производство.

И вот, на той стороне Гудсонова залива, в Ньюварке, напротив Нью-Йорка, Эдиссон в 1873 г. высмотрел себе в центральной части города, на улице Уфдстрит, подходящее четырехэтажное здание, куда, после его покупки и приспособления, и перебрался с мастерской, лабораторией и всеми машинами. Это была уже не мастерская, а настоящая, оборудованная как следует, фабрика с 300-ми рабочими.

И работа закипела, шла скоро и споро, несмотря на то, что, вопреки американским обычаям, производилась не систематически-строгим порядком. Ученые и технические сотрудники Эдисона не могли надивиться:

— Скажите, мистер Эдисон: правда ли, что вы отменили у себя всякую бухгалтерию?

— Правда,—отвечал он с улыбкой.

— Но почему?

— Потому что бухгалтер мой вывел раз по своим счетоводным книгам в остатке 7.500 долларов, а когда я его проверил, то, вместо остатка, выяснился дефицит в 15.000. И я пришел к заключению, что бухгалтерия—искусное надувательство, прекрасно обхожусь теперь без бухгалтера, свожу счеты и расчитываюсь с рабочими сам.

— И от такого порядка у вас не выходит никакой путаницы?

— Ни малейшей.

— Но как это возможно? Ведь на вашей фабрике не установлено даже общих, определенных рабочих часов?

— Нет. Сколько у кого работы, столько он и работает.

— Помилуйте! Да как же вы каждого из них проконтролируете, работает ли он как следует, не ленится ли?

— Фабрика моя, господа, не мертвый, а живой механизм: я—центр этого механизма, сердце, которое, по мере надобности, бьется то сильнее, то слабее, и с тою же большею или меньшею скоростью гонит кровь по жилам. Мои рабочие—плоть от плоти моей, любимые мои дети, и отплачивают мне тою же привязанностью. Каждый из них, как и я, любит свое дело и готов всегда на сверхурочную работу, без всяких возражений.

— За что вы, однако, поощряете их, слышно, и сверхурочными подарками?

— Да как же иначе? Но я ободряю их и словесно— где похвалой, где шуткой, а главное, господа, должен сказать, своим собственным примером. Иной раз работа такая спешная, что выполнить ее к данному сроку, казалось бы, не хватит никаких человеческих сил. Вот хоть бы недавно был случай, когда для заказа на 300.000 долларов был назначен такой именно немыслимый, повидимому, минимальный срок. Так как только на моих глазах никто, даже изнемогая, не бросил бы своей работы, то все аппараты для этого заказа я приказал перенести в мою лабораторию, призвал к себе моих сотрудников и ассистентов, замкнул на ключ двери и объявил:

— «Ну, друзья мои, пока заказ не будет окончен, я не выйду отсюда, и вам, не взыщите, придется поневоле пробыть здесь также под ключом вместе со мною».

— И неужели, мистер Эдиссон, никто из них не протестовал?

— Никто не проронил ни слова. Все, по моему примеру, принялись тотчас же усердно за свое дело.

— И заказ был сдан к сроку?

— Еще за несколько часов до срока.

— Каждому хотелось, конечно, поскорее вырваться на волю! И сколько же часов под ряд вы проработали так, не покладая рук?

— Шестьдесят часов.

— Неслыханное дело! И все время без отдыха и без еды?

— Для подкрепления тела было кое-что, понятно, приготовлено; но глаз никто, кажется, не сомкнул.

— Изумительно! А потом от переутомления вы сами верно расхворались?

— Ничуть; только заснул, как убитый, и, не просыпаясь, проспал до утра. Встал же с постели опять свежим и бодрым, как всегда.

— Ну, на это способна только такая железная натура, как ваша, мистер Эдиссон!

— Выносливость и привычка к работе, разумеется, много значат; но главнее всего, господа, железная воля.

— А ваши помощники как себя чувствовали?

— Все утром были также на своих местах. Живой пример и собственная сила воли—в этом все дело.

После приведенного сейчас примера нечего уж удивляться, что, несмотря на то, что текущая работа на фабрике его в Ньюварке поглощала у него большую часть дня, Эдиссон находил еще время для новых опытов и изобретений, и что за три года, с 1873 по 1876 г., он 45 раз являлся за новыми патентами к директору ведомства привиллегий, который по этому поводу выразился так:

— Дорога ко мне не успевает остыть от шагов молодого Эдисона.

XIII.

В 1876 г. в образе жизни Эдисона произошел крутой перелом. Всего три года назад с такою любовью оборудованная им собственная фабрика его в Ньюварке стала для него невыносимой обузой. Личное управление ею и общение с подчиненными требовало уже почти постоянного его пребывания на фабрике; а кроме того, его то и дело отрывали от работы многочисленные посетители,

в том числе также важные дельцы и финансовые тузы с сопровождавшими их из праздного любопытства женами и дочерьми, с которыми нельзя было не считаться. Между тем роившиеся у него в голове творческие мысли ни днем, ни ночью не давали ему покою. Раз зародившись, такая мысль, как заложенное в землю семя, сама собой, помимо его сознания, продолжала все дальше развиваться, и отогнать ее совсем из головы ему не было уже никакой возможности. Фабрика же давала ему большой доход, который был ему необходим для практического осуществления этих же мыслей, так как каждое изобретение требовало целого ряда предварительных, очень дорогих опытов. Не оставалось другого выхода, как, скрепя сердце, доверить управление фабрикой надежным помощникам, а самому удалиться от нее на такое расстояние, чтобы никто не мог во всякое время непрошенно врываться к нему в кабинет и в лабораторию.

Он так и сделал. По филадельфийской железной дороге, в 38-ми километрах от Нью-Йорка, в Мэнло-парке нашелся подходящий огромный участок земли. Так как от чистых прибылей ньюваркской фабрики у него был уже отложен свободный капитал в 400.000 долларов, то 300.000 он употребил на покупку этого участка и на постройку на нем здания в 30 метров длиной и в 10 шириной для мастерской, остальные же 100.000—на самые усовершенствованные механические и химические приборы и машины, в том числе и на паровую машину в 80 лошадиных сил. Научная библиотека была также пополнена новейшими сочинениями по электричеству. В лаборатории были поставлены орган и механический музыкаль-

ный ящик, гармонические звуки которых должны были успокаивать напряженные умственной работой нервы неутомимого изобретателя, большого любителя музыки.

Вместе с Эдисоном, в Мэнло-парк переселились, само собою разумеется, и его научно-образованные помощники-техники, лучшие механики и мастеровые. Правой рукой его был здесь, как перед тем в Ньюварке, ближайший его сотрудник Чарльз Бэчилор, без которого он теперь решительно не мог обойтись, так как тот прекрасно знал американский быт и, благодаря своему исключительно светлому уму и деловитости, быстро и самым практическим образом улаживал всякие деловые недоразумения. Из числа остальных главных сотрудников Эдисона, профессор Мак-Интрей с двумя ассистентами производил в лаборатории научные исследования, а бывший директор телеграфа Гриффин, очень дружный с Эдисоном, считал за честь быть личным секретарем известного, а затем и знаменитого изобретателя.

Свободный, наконец, от повседневных докучливых забот о своей фабрике в Ньюварке, Эдисон мог с этого времени всецело отдаться своему гениальному вдохновению, и из лаборатории в Мэнло-парке, как из волшебного котла сказочного мага, стали вылетать одно за другим все новые изобретения. Доступ туда был закрыт как для большой публики, так даже и для газетных репортеров. Поэтому каждое готовящееся изобретение было окружено заманчивою таинственностью и заранее уже вызывало самые баснословные слухи, разжигавшие общее любопытство. Самого творца этих чудес называли «чародеем Мэнло-парка» и «современным доктором Фау-

стом». Не успел Эдисон, как говорится, оглянуться, как слава о нем разнеслась по всему земному шару. Не было ни одной всемирной выставки, где бы новейшие изобретения знаменитого американца не занимали в своем отделе первого места. Всякого рода отличия сыпались на него отовсюду. Вместе с тем прогрессивно росло и его благосостояние, и через 10 лет по переезде его, безвестного бедняка, в Нью-Йорк, он был уже прославленным своею гениальностью миллионером.

Самому Эдисону, однако, это не вскружило головы; он остался все тем же простым, прямодушным человеком.

— Я не Ньютон, не научное светило,—говорил он:— я не открыл ни одного закона природы. По призванию изобретатель, я стараюсь только всячески использовать открытые людьми науки силы природы с наибольшею выгодою для человечества в деловых его сношениях. В отличие от *механических* изобретателей, меня можно было бы назвать, пожалуй, изобретателем *научным*, хотя в сущности между ними нет разницы.

Основателем электротехники считается, по справедливости, Вернер Сименс, который положил начало применению динамо-электричества к практической жизни еще в то время, когда Эдисон лежал в колыбели; но без Эдисона ни техника, ни промышленность не получили бы, конечно, современного широкого развития ни в Америке, ни в Европе.

Мы не приводим здесь полного списка сделанных Эдиссоном дальнейших изобретений и улучшений как в области электричества, так и в других областях физики и механики, так как число их превышает

2.000. Укажем только на самые важные или особенно интересные:

1) *Квадруплекс-телеграф* — посылка по одному проводу одновременно по две депеши с каждого конца. На этом аппарате общество «Great Western Union Telegraph Company», купившее привилегию у Эдисона, экономит ежегодно более полумиллиона долларов на материале для проволоки.

2) *Мультиплекс-телеграф* — одновременная посылка по одному проводу до 16-ти депеш. Достигается это введением в аппарат музыкального камертона, колебания которого электромагнитом на станции отправления вызывает звуки одинаковой высоты у камертона на станции получения.

3) *Автоматический телеграф*, сам собою, автоматически увеличивающий скорость передачи депеш. Изобретенный Георгом Литтлем, он усовершенствован Эдисоном настолько, что по трем проводам из Филадельфии в Нью-Йорк передавалось до 7.000 слов в минуту.

4) *Телеграф-кузнечик*, передающий депеши индукционным током с движущегося поезда на станцию. Изобрели его почти одновременно Телпс и Эдиссон; при чем первому, для соединения поезда со станцией, служили рельсы, а второму проволока, прикрепленная к невысоким столбам и проходящая в близком расстоянии от крыши вагона. Название «*кузнечик*» присвоено этому телеграфу по тонкому звуку, подобному стрекотанью кузнечика, производимому введенным в цепь телеграфом внутри вагона при замыкании и размыкании цепи.

5) *Ушной телефон*, прикрепляемый около самого уха к шляпе находящегося в поезде телеграфиста и дающий ему возможность слышать тиканье проведенного параллельно с рельсами телеграфа, сообщающего важные для деловых людей известия, а также о грозящей поезду опасности, о задержании в поезде преступника и т. п.

6) *Копировальный телеграф*, передающий со станции на станцию почерк пишущего помощью металлического пера, которое надавливанием на бумажную ленту, пропитанную химическим составом и намотанную на движущийся валик, выводит на станции получения на такой же ленте такие же буквы с почерком пишущего, как на станции отправления.

7) *Телефон*, изобретенный в 1861 г. Рейсем и улучшенный в 1876 г. Беллем, два года спустя коренным образом усовершенствованный Эдисоном. Между Беллем и Эдисоном возникла чисто американская борьба конкурентов: каждый из них торопился придумать еще какое-нибудь преимущество перед телефоном противника. Победителем из этой борьбы вышел Эдисон: изобрев новый приемник, он втечение одной недели изготовил на своем заводе несколько тысяч аппаратов с таким приемником и на быстроходном пароходе переслал их в Англию с целым штатом служащих, которые во время переезда через океан обучались специальным техником обращаться с новым приемником и чинить его. В Англии аппараты были разосланы на все телефонные станции общества «Western Union Telegraph Company», и Белль был вынужден войти в полюбовное соглашение с Эдисоном — делить общую прибыль на половинных началах.

8) *Микрофон*, усиливающий звук в такой степени, что ползание мухи кажется шагами марширующих солдат. Мысль о таком приборе вырабатывалась одновременно Эдисоном и телеграфным техником Хуггеем, прославившимся уже, как изобретатель типографского станка, вошедшего в употребление во всем свете. Но Хуггей выпустил свой микрофон в продажу раньше Эдисона, и потому его считают изобретателем микрофона. Эдисон же сгоряча называл Хуггея вначале «величайшим вором».

9) *Микротазиметр*, измеряющий малейшие перемены температуры. На расстоянии двух метров микротазиметр ясным колебанием стрелки показывает теплоту человеческого тела или зажженной сигары. При помощи его же Эдисон, во время полного солнечного затмения 9 июля 1878 г., определил лучистую теплоту солнечной короны, оказавшуюся в 15 раз выше такой же теплоты Арктуруса, самой яркой звезды северного полушария земли.

10) *Одороскоп*, определяющий влажность воздуха.

11) *Фонограф*, вполне ясно и отчетливо воспроизводящий человеческий голос, музыкальные и иные звуки. Сам Эдисон, гордящийся этим своим изобретением чуть ли не более, чем всеми другими, высказался о нем так:

«Этот мертвый сам по себе инструмент, у которого нет ни языка, ни зубов, ни глотки, ни горла, говорит тем же голосом те же слова, что и мы, и через века, когда от нас самих не останется ничего, кроме праха, он будет повторять будущим людям, никогда нас не знавшим, каждую нашу случайную мысль, каждое наше мимолетное слово, которые мы внушим этой тонкой металлической пластинке».

Идея о приборе такого рода явилась у него внезапно, совсем случайно. Как-то раз, в 1877 г., в своей лаборатории Мэнло-парка, для проверки чувствительности пластинки своего телефонного отправителя, приложив к ее штифтику палец, он громко запел. Пластинка заколебалась и штифтик стал покалывать его палец.

«Это что же такое? — удивился Эдисон. — Ведь если к пластинке приложить бумажную ленту, то от штифтика на ней останется углубление; когда же штифтик потом снова попадет в это углубление, там должны повториться прежние колебания, а вместе с тем отозваться и звуки, воспринятые раньше пластинкой. Посмотрим, так ли?».

Прикрепив к пластинке телеграфную бумажную ленту, он громко крикнул в отправитель: «Алло!»; затем вторично провел ту же ленту под штифтик. И что же? Оттуда донеслось до его слуха, хоть и слабо, но явственно: «Алло!».

Проба удалась; оставалось испытать ее на специальном приборе. Некоторое время спустя Эдисон вызвал к себе в кабинет своего помощника Бэчилора и других сотрудников.

— Вот вам, господа, план нового аппарата, который будет повторять каждое ваше слово и вашим же голосом.

Те с недоумением переглянулись, а Бэчилор с усмешкой заметил:

— Неужели, мистер Эдисон, вы считаете нас круглыми дураками, чтобы поверить такому чуду?

— Сделайте только аппарат по моему плану, — отвечал Эдисон, — и поверите.

— Вы говорите это серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Сами, значит, убеждены, что чудо вам удастся?

— Убежден.

— А я, простите, при всем моем глубоком уважении к вам, решительно не могу поверить. Хотите, побьемся об заклад?

— Извольте.

— На тонну яблок?

— Идет! Изготовьте мне только скорей модель аппарата.

— Дозвольте мне ее сделать? — вызвался ассистент Крейзи, который, как и другие, не мог удержаться от улыбки.

И вот, спустя короткое время, он явился к Эдисону с готовою уже моделью.

— Сделал я ее, мистер Эдисон, по совести, точь-в-точь по вашим указаниям.

Пока Эдисон, в его присутствии, говорил в аппарат, прежняя улыбка не сходила с уст ассистента. Но когда Эдисон привел аппарат в действие, и изнутри стали выходить те же самые слова и как бы собственным голосом Эдисона, Крейзи едва не свалился с ног и схватился за голову.

— Что с вами, мистер Крейзи? — спросил Эдиссон.

— Я до того ошеломлен... ушам не верю...

— Смело верьте; а за Бэчилором тонна яблок. И вас попрошу их отведать.

— Если мои товарищи до меня не опустошат всю тонну.

— Нет, вам, мистер Крейзи, предоставляется скушать первый десяток на выбор.

Всего более затруднений при устройстве фонографа представлял подходящий материал. Сначала для углублений была взята парафиновая бумага, потом, последовательно: оловянные пластинки, слюдяные и восковые; а для вырезывания углублений—сперва острый стальной штифт, замененный затем миниатюрным ножичком из сапфира. Некоторые буквы вначале произносились недостаточно ясно, в особенности буква s, и Эдисон потратил по нескольку часов в течение целого ряда дней, тысячи раз повторяя одно и то же слово, пока каждая буква не произносилась фонографом как следует. Когда кем-то было выражено удивление его замечательному умению доводить свои изобретения до полного совершенства, он ответил с обычною своею скромностью без тени самохвальства:

— *Уменья* в моей работе всего 2 процента, а остальные 98 *потенья*.

Кстати укажем здесь на любопытное явление: при сравнении фонограмм букв под микроскопом оказывается, что согласные буквы врезаются глубже гласных, которые произносятся мягче согласных.

Потребовалось не менее 10-ти лет, пока усовершенствованный фонограф не появился впервые на публичный суд в Старом Свете, именно в лондонском хрустальном дворце; а год спустя на всемирной выставке в Париже 30.000 человек ежедневно толпились перед 45-ю фонографами, говорившими на всевозможных языках всех пяти стран света.

Спрос на фонограф был так велик, что Эдисону пришлось в Оранже, в Нью-Джерсее, для изготовления

этих аппаратов выстроить огромную фабрику, с устройством при ней особой лаборатории.

Отсюда же выпускаются в свет и *говорящие куклы*. «Мертвые» тела их присылаются в Америку партиями из Европы, а в Оранже их «одушевляют», вставляя в них крошечный фонограф, который произносит целые фразы, декламирует детские стишки, поет детские песенки. Один этот отдел делает ежегодно миллионные обороты.

12) *Лампочки накаливания*. С изобретением в 1866 г. Сименсом динамо-машины, превращающей работу паровых машин в сильный электрический ток, электротехники наперерыв пытались применить этот ток и для освещения, так как при пропускании его чрез два уголька, приставленных близко один против другого, огневая струя, переливающаяся непрерывно с одного уголька на другой, ярко светилась. Прошло, однако, целых 13 лет, пока благодаря изобретенной на фабрике того же Сименса электротехником Гефнер-Альтенеком дифференциальной лампе, механически придвигающей обгорающие кончики угольков один к другому, оказалось возможным освещать в городах калильным светом улицы и большие помещения.

Для введения такого же освещения в общее употребление, главное затруднение заключалось в том, что уголь в лампочках, накаливаемый электрическим током добела, очень быстро сгорал. И вот Эдисон, со свойственной ему энергией, принялся за изыскание таких веществ, которые давали бы для накаливаемых световых нитей самый огнестойкий уголь. Сколько пришлось тут и ему, и его безотлучному помощнику Бэчилору перенести упорнейшего труда и горьких разочарований! Так, 18 октября 1879 г.,

они наконец-то, казалось, добились своего: в руках у них была тончайшая огнестойкая угольная нить из бумажной пряжи. Оставалось только прикрепить ее к двум проволокам, сквозь которые пропускается электрический ток. И вдруг — о, ужас! драгоценная нить не выдерживает и ломается... Бэчилор в полном отчаянии, но Эдисон не падает духом:

— Раз удалось нам получить одну такую цельную нить, — говорит он, — так не ляжем спать, пока не добудем другой.

И точно, через сутки из обугливающего аппарата вышла снова совсем такая же угольная нить.

— Ну, теперь будем осторожней.

Действительно, на этот раз нить удалось прицепить к проводникам. Бэчилор берет ее бережно, как новорожденного младенца и несет через двор в отделение стеклянных груш. Не донес он ее, однако, еще до входа в отделение груш, как внезапный порыв ветра — и ниточка в руках Бэчилора пополам!

Чуть не плача, он возвращается к Эдисону:

— О, мистер Эдисон! Посмотрите, какое опять несчастье... Проклятый ветер...

— Печально, конечно,—говорит невозмутимый Эдисон.—Ну, что ж, с третьей нитью обойдемся еще осторожней. К утру она будет у нас готова; вместе с вами вложим ее в лампочку. Как она потом будет гореть, — могут наблюдать уже наши сотрудники: мы с вами заляжем спать.

Все так и сделалось: к утру третья нить была готова и в целости вделана в стеклянную грушу; тридцать техни-

ков приставлены к лампочке — следить за ее горением, а сами Эдисон и Бэчилор пошли выспаться после трех бессонных суток и заснули мертвецким сном. Проснувшись, Эдисон поспешил, конечно, тотчас же в отделение груш:

— Ну, что, господа, еще горит?

— Горит.

— Да здравствует бумажная пряжа! Если лампочка наша прогорит так в общем полные 24 часа, то я буду счастлив.

Но прогорела она вдвое дольше — 48 часов, и Эдисон был счастлив вдвойне.

Продолжительность горения лампочек накаливания была затем еще значительно увеличена земляком Эдисона Гирамом Максимом, который, накаливанием нити под стеклянным колоколом просредством светильного газа, осаждавшего свою угольную копоть на более тонкие части нити, получал нити одинаковой толщины. Для такого рода лампочек накаливания Эдисоном была выстроена новая фабрика, где угольные бумажные нити он заменил затем бамбуковыми. Для отыскания же самого огнеупорного сорта бамбука им посылались знатоки в Южную Америку на реку Амазонку, в Японию и в Индию, — что обошлось ему более 100.000 долларов. Впоследствии, однако, бамбук, в свою очередь, должен был уступить место искусственной клетчатке. Так, наконец, калильный свет стал доступен и частным лицам. На выставках в столицах Старого и Нового Света наглядно демонстрировалось для публики изготовление усовершенствованных лампочек накаливания, изобретателю присуждались золотые медали и почетные дипломы; цена же акций Эдисо-

новского общества со 100 долларов возросла до 3.000 долларов.

13) *Электрические двигатели.* С целью усиления электрического тока для калильного света, Эдисон постепенно увеличивал и размеры динамо-машин, применяя к ним магнит из литого железа и приводя их в действие паровыми машинами. Благодаря этому, до 90% механической работы паровой машины превращалось в электрическую, доходящую до 1.000 лошадиных сил. Так для гения великого изобретателя от электрической энергии для освещения до употребления ее в виде двигательной силы был всего, так сказать, один шаг. В 1883 г. для постройки электрических железных дорог им было основано общество «Electric Railway Company», и на открывшейся тогда же всемирной выставке в Чикаго демонстрировались уже опыты такого способа передвижения. По проложенному там железнодорожному полотну в $1^1/_2$ километра, втечение 13 дней до закрытия выставки, было перевезено электрической силой 26.000 человек; в настоящее же время в целом мире нет сколько-нибудь значительного города, где бы не ходили трамваи, без которых привыкшее к ним население положительно не может уже обойтись.

14) *Кинематограф и фонокинематограф.* Работая над фонографом для искусственной передачи человеческого голоса и музыкальных звуков, Эдисон вполне естественно задался мыслью механическим способом давать для зрения точно такую же иллюзию действительности, как и для слуха. Средством для этого могла служить фотография. Главное затруднение представляло

соединение в непрерывной последовательности целого ряда движущихся снимков. Для этого, изображения отдельных моментов выбранного явления должны были быть самых малых размеров и от одного снимка до другого на их передвижение должно было проходить минимальное время, чтобы оба снимка сливались для зрения в непрерывное целое. При выборе светочувствительных пластинок для снимков, Эдисон в конце-концов остановился на целлулоидной полоске (так называемом *фильмсе*), навертывающейся с одного валика на другой; при чем во время освещения для зрителей каждый снимок остается неподвижным, во время же моментального их передвижения свет потухает и вслед затем опять вспыхивает. Освещение каждого снимка продолжается около $^1/_{50}$ части секунды, а на каждое передвижение фильмса в темноте уходит всего $^1/_{460}$ секунды. При демострировании же перед публикой крошечные снимки на фильмсе выходят на экране с помощью проекционного фонаря в нормальных размерах. Так представляется возможность воспроизводить целые сцены из действительной жизни или разыгрываемые актерами эпизоды, для которых Эдисоном в Оранже был построен особый маленький театр.

Тот же кинематограф, увеличивая до видимых простым глазом размеров микроскопические инфузории, доступные для зрения только чрез микроскоп, знакомит нас наглядно с тайнами природы, где эти мельчайшие существа являются перед нами в виде как бы допотопных чудовищ.

Не довольствуясь, однако, такими результатами кинематографа, Эдиссон поставил себе задачей соединить его с фонографом таким образом, чтобы безмолвно происхо-

дящее перед глазами зрителя действие сопровождалось и соответствующими словами и звуками. И задачу эту он разрешил, создав *фонокинематограф*. Сам он этим своим изобретением особенно увлекается и предсказывает ему блестящую будущность.

«Я ничуть не сомневаюсь,—говорит он с уверенностью,—что в недалеком времени в каждой деревне будут ставиться оперные представления по 10-ти центов за вход. Первоклассные певцы и «дивы» станут буквально *бессмертными*, потому что еще через сто лет после своей смерти они будут выступать перед новыми поколениями и восхищать их, как нас теперь, своими чарующими голосами. Исторические события будут повторяться, как на-яву, перед отдаленным потомством, и письменные документы об этих событиях потеряют почти всякое значение. Все это так невероятно и тем не менее, благодаря фонокинематографу, осуществится!».

Успехом большей части своих начинаний Эдисон обязан не только своему творческому гению, но в значительной степени также своей выносливой натуре и тому, что не гнушался никакой черной работой, увлекая своим живым примером и своих ближайших сотрудников и простых рабочих. Так, его можно было видеть целыми неделями в одной и той же грязной рабочей блузе, с непокрытой головой, рядом с рабочими, прокладывающим кабели, устанавливающим машины, монтирующим железные обручи для разных приспособлений. Зато и рабочие, и техники души в нем не чаяли. В 1889 г., по случаю 42-х летия со дня его рождения, те и другие сообща, на собственные средства, превратили большое, но прозаическое на

вид помещение его библиотеки в Оранже в волшебный зимний сад с роскошными пальмами и другими экзотическими, неувядаемыми растениями, с дорогими смирнскими коврами во весь пол, с прекрасными стенными картинами известных художников, с удобными креслами и столиками для посетителей и с уютным уголком у камина для самого хозяина. Эдисон с своей стороны украсил еще затем эту библиотеку купленной им на парижской всемирной выставке мраморной статуей, изображающей гения света, и богатой коллекцией минералов и драгоценных каменьев.

XIV.

Рассказав о том, как из бедного мальчика, не получившего даже самого обыкновенного школьного образования, развился, благодаря лишь врожденному дару творчества и необычайному трудолюбию, величайший мировой изобретатель, скажем в заключение еще несколько слов об его семейной и частной жизни.

Мать Эдисона, в молодые его годы жившая только для него и пророчившая ему всемирную славу, умерла уже в 1871 г., не дождавшись исполнения своего предсказания. Сын, отвечавший ей такою же нежною привязанностью, вначале страшно по ней горевал и находил утешение только в неустанной работе. Не имея теперь ни около себя, ни даже в родительском доме любящего и заботящегося о нем существа, он, возвращаясь домой с фабрики, особенно чувствовал свое одиночество.

И вот, два года спустя, среди своих собственных фабричных работниц он заметил миловидную молодую

девушку, Мэри Стильвель, отличавшуюся от всех других как особенною опрятностью и аккуратностью, так и редкою скромностью и женственностью. Он посватался и не ошибся в своем выборе: более преданной, доброй и заботливой жены, а затем и лучшей матери своих малюток ему нельзя было бы и найти. Детей у них было трое: Марианна, Томас-Альва и Вильям-Леслей. Отец, занятый, во время появления на свет двух старших, телеграфированием, дал им еще особые прозвища из телеграфного алфавита: Dot и Dach—*Точка и Черточка.*

Но безоблачное семейное счастье его продолжалось недолго — всего 8 лет: в 1881 г. молодая жена его скончалась. В каком он был отчаянии, можно судить уже по тому, что с горя и тоски он серьезно занемог и пролежал в постели несколько дней. Когда же он, благодаря своему здоровому организму и силе воли, опять поправился, то старался забыться среди неумолкающего стука, гуденья и жужжанья паровых машин, передаточных ремней и динамомашин в мастерских, так как тогда как раз разрабатывал технику электрического тока.

Но у людей с сильным характером и всей душой преданных любимому делу нет такого горя, которое бы постепенно не утихло. И Эдисон понемногу также успокоился и воспрянул духом. А когда в доме другого такого же изобретателя и фабриканта земледельческих орудий он познакомился с его дочерью, прелестной, умной барышней, то решился предложить ей руку — и не получил отказа.

Обладая уже в то время большими средствами, он тотчас же после свадьбы приобрел вблизи своей фабрики в Оранже прекрасную виллу с великолепным парком.

От второго брака у него были еще дочь и сын: Магдалина и Карл, которые точно так же, как и старшие дети, выросли на его радость и довершили его новое семейное счастье. Часть лета проводил он с семьею в купленном им затем в Южных Штатах другом имении, куда вызвал и своего отца, который прожил там на покое до глубокой старости, занимаясь в саду сына посадкой деревьев и разведением цветов. Сам же сын и здесь не знал отдыха, устроив для своих опытов лабораторию по образцу такой же в Оранже, только значительно меньших размеров.

В Старом Свете Эдисон, вместе с женою, побывал всего один раз в жизни — в 1889 г., чтобы лично демонстрировать свои изобретения на парижской всемирной выставке, где был принят с таким почетом, как ни одна из коронованных особ.

Так как большая часть дня у Эдисона уходила на его огромное фабричное дело и на разработку в его рабочем кабинете роившихся у него в голове все новых и новых планов, остальную же, небольшую часть дня он отдавал своей семье, то у него, естественно, не оставалось уже лишнего времени для участия в политической или общественной жизни своего отечества. Среди же ограниченного, избранного кружка друзей и добрых знакомых он, всегда жизнерадостный и общительный, являлся оживляющим центром. Для своих сотрудников и рабочих, как уже сказано, он служил наглядным примером добросовестного труженика, не гнушавшегося и самой простой работой. Когда однажды почтенные родители отдали к нему на выучку своего белоручку-сына, и тот брезгливо отказался исполнить какую-то грязную работу, Эдисон засу-

чил рукава и сам ее исполнил, что для смущенного юноши было самым лучшим уроком.

Сохранив с детства до седых волос свой веселый нрав, Эдисон добродушно подтрунивал над чужими слабостями; когда же к нему непрошенно вторгались ничего не смыслящие в деле судьи, он не стеснялся проучивать их даже мальчишеской шуткой. Так подшутил он раз довольно зло и над директорами общества электрических трамваев, вздумавшими без приглашения пожаловать к нему в Мэнло-парк, чтобы проверить двигательную энергию электричества для заказанных обществом трамвайных вагонов. Принял их Эдисон совершенно серьезно с подобающею любезностью хозяина, и его внушительная внешность с высоким лбом и выразительными чертами лица произвела на них видимо благоприятное впечатление. Когда же он намеренно стал излагать им действие электрической силы научно-техническим языком, один из них, пожимая плечами, заметил вполголоса другому:

— Да это какой-то профессор или проповедник! Ему место не на фабрике, а на кафедре!

Слова эти не ускользнули от слуха Эдисона.

«Погодите, друзья мои, — решил он про себя: — то ли вы еще запоете».

И он почтительно пригласил их за собою к дымящемуся на рельсах паровозу:

— Эти рельсы вчера только проложены на полотне и сегодня должны были быть испробованы. Не благоволите ли сделать со мной такую пробу?

Гости взошли на паровоз, Эдисон за ними. Но вот он взялся за рычаг, и паровоз сразу же рванулся вперед,

точно с цепи сорвался. От дувшего навстречу ураганного ветра с директорских голов слетели одна за другой шляпы.

— Остановитесь, мистер Эдисон, — возопили эти господа к шутнику. — Бога ради, остановитесь!

А он, будто не слыша, продолжал налегать на рычаг, и паровоз, как взбесившийся конь, мчался дальше все быстрее и быстрее. Ухватившись друг за друга и трясясь от страха, гости поневоле должны были выждать, пока хозяин не повезет их обратно. А доехав опять назад, они, даже не простившись с ним, поторопились, уже без своих улетевших шляп, по добру—по здорову убраться восвояси, сопровождаемые дружным смехом свидетелей их бегства.

Пушкин, А. С. — Сказка о золотом петушке. 12 стр. 1922 г.
Его же. — Сказка о рыбаке и рыбке. 16 стр. 1922 г.
Рагоза, Н. — Похождения чернушки. 92 стр. 1923 г.
Семенов, С. Т. — В деревне. Рассказ для детей. 92 стр. 1923 г.
Его же. — Из жизни Макарки. 95 стр. 1923 г.
Сент-Илер, К. — Сказка про сову. 21 стр. 1923 г.
Серафимович, А. — Юные труженики. Рассказ для юных читателей. Книга первая. 162 стр. 1922 г.
Сетон-Томпсон. — Лобо и др. рассказы. 124 стр. 1923 г.
Его же. — Бинго и др. рассказы. 222 стр. 1923 г.
Его же. — Тито. 73 стр. 1923 г.
Толмачева, М. Л. — Как Вася жил один в Петрограде. Рассказ для детей. 78 стр. 1923 г.
Сливицкий, А. — Разоренное гнездо. Рассказ для детей младшего возраста. 150 стр. 1923 г.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Москва, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский, 4. | Петроград, Проспект 25 октября, 28.

ОТДЕЛЕНИЯ:

ВОЛОГДА, Площадь Свободы; ВОРОНЕЖ, Проспект Революции, 1-й дом Совета; КАЗАНЬ, Гостинодворская, Гостиный Двор; КИЕВ, Крещатик, 34; КОСТРОМА, Советская, 11; КРАСНОДАР, Красная, 33; НИЖНИЙ-НОВГОРОД, Б. Покровка, 12; ОДЕССА, ул. Лассаля, 12; ПЕНЗА, Интернациональная, 39/43; РОСТОВ н/ДОНУ, ул. Фридриха Энгельса, 106; САРАТОВ, зд. Совета; ТАМБОВ, Коммунальная, 14; ТИФЛИС, Проспект Руставели, 16; ХАРЬКОВ, Московская, 20.

Магазины в Москве:

1) Советская площадь (под гост. „Дрезден"); 2) Моховая, 17 (под гост. „Националь"); 3) Больш. Никитская, 13 (здание консерватории); 4) Никольская ул., 3; 5) Серпуховская площ., 1/43; 6) Кузнецкий мост, 12.

Магазины в Петрограде:

1) Проспект 25-го октября (Невский), 28; 2) Проспект 25-го октября, 13; 3) Пр. Володарс

50 зл
- 40

120 =

